

Девушка
~ без ~
недостатков

Наталия ЛЕВИТИНА Сорванные цветы

Провинциалка Катя Антонова

Наталия Левитина
Сорванные цветы

«Автор»

Левитина Н.

Сорванные цветы / Н. Левитина — «Автор», — (Провинциалка
Катя Антонова)

ISBN 978-5-17-069292-7

Отправляясь покорять столицу, не забудьте захватить амбиции и усердие. Поверх этого плотным слоем уложите мечты о светлом будущем и высокие моральные принципы. Именно с таким багажом приехала из небольшого провинциального городка Катерина Петрова. Она даже не подозревала, что ее ожидает в многомиллионном мегаполисе. Устроившись прислугой к молодой светской львице Оксане Берг, Катя оказалась в центре финансовых махинаций. Но главный подозреваемый погибает в автомобильной катастрофе, к которой причастна семья Берг. В довершение всех бед Катя влюбляется... в мужа Оксаны! Продолжать ли работать, если босс - твой любовник? А если он убийца? Сможет ли Катя выйти из сложившейся ситуации, не пожертвовав принципами? Ведь это - всего лишь начало запутанной криминальной истории...

ISBN 978-5-17-069292-7

© Левитина Н.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Наталия Левитина

Сорванные цветы

Часть первая

Домработница

Хорошо, что сила Катиного честолюбия и ее желание скорее оказаться в Москве никак не могли повлиять на спокойный, размеренный ход 245-го поезда. Иначе плавное движение сменилось бы судорожными рывками, невероятными прыжками, подскоками, и состав обязательно слетел бы с рельсов.

Катя Антонова стояла у окна и не видела березок и елей, пролетающих мимо. Она видела себя через полгода или год, может быть, даже и через два, неважно, превратившейся в великолепную столичную даму, яркую, уверенную, богатую. Каким образом ей удастся это перевоплощение, Катя понимала пока очень смутно, но ни капли сомнения не закрадывалось в ее горячее восемнадцатилетнее сердце.

Уже больше тысячи километров отделяло юную завоевательницу от родного провинциального Краснотрубинска – технологического придатка к горнообогатительному комбинату и ферросплавному заводу, маленького убогого Краснотрубинска, который в одно лето стал невыносимо тесен Катерине. Больше тысячи километров отделяло ее и от милых, добрых, честных родителей. По причине своей честности и несоответствия наступившим временам они не смогли сделать ощутимых материальных вложений в Катину будущее. Наиболее ценным родительским вкладом в дочку была внушенная Кате мысль, что она – «прелесть» и всего сможет добиться в жизни сама, если, конечно, будет достаточно трудолюбива и энергична.

Катя никогда не сомневалась в своей внешней и внутренней привлекательности, энергия исходила от нее ровным, почти видимым потоком, она верила, что добьется и славы, и богатства и, конечно же, встретит своего чудесного принца, а для начала карьеры везла в Москву скромную сумму денег, собранную по родственникам, и косу, толстой сарделькой покоившуюся между лопаток.

«Все – любой ценой!». Такой геральдический девиз выбрала для себя Катя, хотя понятия «все» и «любая цена» носили в ее воображении очень неясные очертания. К счастью, жизнь пока не требовала от нее строгого соответствия выбранному кредо, дерзкому и циничному.

Шумный, грязный, огромный вокзал, весь в протухшей банановой коже, рваной оберточной бумаге, смятых банках из-под пепсиколы, взвинченных пассажиров и торговцах бигмаками был успешно преодолен Катериной. Едва ступив на перрон, она тут же взяла в плен своей наивностью крупного и чрезвычайно красиво одетого мужчину, ошарашив его просьбой «донести чемодан до остановки». Действительно, весь Краснотрубинск хорошо относился к Кате, почему же здесь люди должны были относиться к ней иначе?

Мужчина, никогда в жизни не замечавший за собой склонности оказывать бесплатные услуги малознакомым дамам, настолько растерялся, что безропотно донес до остановки дурацкий чемодан этого синеглазого и розовощекого создания в неимоверно убогом сером платье и лакированных китайских туфельках с бантами. Получив в награду: «Спасибо, какой же вы добрый!» – он удалился по своим делам, прислушиваясь к странноприятному ощущению в груди. Это незнакомое ощущение подвигло его еще на два экстравагантных поступка: мужчина трудоустроил на эскалаторе неподъемную сумку одной толстой тети, а также и саму тетю, а вечером помыл грязную посуду, чего никогда принципиально не делал, дабы не развращать жену.

Катя поехала на автобусе, так как таксист потребовал ровно половину суммы, аккуратно завернутой в тряпочку и хитроумно вшитой в одну интимную деталь Катиного туалета.

Татьяна Васильевна встречала любимую племянницу пирогами. Кулинарный виртуоз, феноменальная труженица с сорокалетним стажем тетя Таня как-то очень естественно и органично вписалась в новые, для многих людей непереносимые условия жизни. Едва появилась прослойка официальных российских миллионеров, едва возникла категория жен, от которых требовалось не умение быстро и качественно стирать, гладить, готовить, а умение хорошо выглядеть на банкетах и посольских приемах, Татьяна Васильевна получила прекрасную возможность за деньги удовлетворить свою природную потребность вкусно кормить людей и поддерживать в доме идеальный порядок.

Она с маниакальной увлеченностью драила хлоркой чужие ванны, стирала белье, пекла тончайшие блины, подавала к обеду свиные рулетики, выгуливала собак, присматривала за младенцами. Своим круглосуточным трудом и повергающей в шок работоспособностью, а также честностью и скрупулезностью в отношении хозяйских денег и имущества Татьяна Васильевна вскоре добилась того, что ее стали передавать из одной богатой семьи в другую, как переходящее знамя.

Она занималась любимым делом и получала за это хорошие (с ее точки зрения) деньги. Что может быть прекраснее? И вот еще приехала из Красногубинска чудесная девочка Катя – ласковый котенок, милое солнышко...

Куда может приложить свою энергию юная провинциальная дева, подъехавшая к городу на железном огнедышащем коне, закованная в стальные латы невинности и незнания жизни, вооруженная копьем скромных дарований?

Изучив газеты, Катерина выбрала объявление, приглашавшее девушек принять участие в конкурсе секретарей-референтов в банке «Центр».

Банк «Центр» обещал претенденткам щедрую зарплату и райские условия труда, и, судя по интерьеру здания и умиротворенному выражению на лицах персонала, он выполнял свои обещания.

Прохладное весеннее солнце проникало сквозь большие окна, расчерченные вертикальными полосами жалюзи, в фешенебельный холл, где стайками говорливых птичек толпились оживленные конкурсантки.

В первую же секунду, охватив мизансцену цепким взглядом, Катя с удивлением обнаружила, что она единственная девушка, пришедшая на конкурс в длинном платье и лакированных туфлях-лодочках.

Соперницы были одеты в маленькие псевдоделовые костюмы самых разнообразных расцветок: от алого, лилового и терракотового до цвета мяты и ошпаренных баклажанов, любая из девиц могла претендовать на звание «Мисс Мира», все, как одна, демонстрировали безупречные коленки и имели великолепные параметры «грудь–талия–бедро». «Ох», – испуганно вздохнула Катя, чей рост лишь на 3,3 сантиметра превышал рост Мэрилин Монро, но подавила желание развернуться и убежать. Еще ни разу она не претерпевала такого стремительного изменения взглядов, как в этот момент: платье, которое утром казалось ей шикарным, сейчас выглядело, пожалуй, самой большой неудачей китайских кооператоров.

«Ничего, – сердито подумала Катя. – Я не такая разодетая, не такая тощая, не такая длинная, но умная. Я справлюсь».

–...Ты согласишься на секс?

Кажется, вопрос надо ставить иначе: соглашусь ли я на секс только с директором банка или возьмусь еще обслуживать армию кровожадных менеджеров.

– Хотелось бы верить в лучшее. В фирме, где я сейчас работаю, мне пришлось переспать с третьим персоналом и с целой сворой выгодных клиентов, включая черномазого ублюдка из вра-

щенца из одной африканской страны, но я тем не менее на грани вылета и просто мечтаю найти новую работу.

Две элегантные красотки, одна в лимонном, другая в нежноголубом костюме, потягивали через трубочки предложенный конкурсанткам сок. Катя нерешительно направилась к ним, чтобы не стоять в одиночестве, а заодно и выяснить обстановку.

– Здравствуйте, меня зовут Катерина, я из Краснотрубинска!

Шикарные девицы изумленно оглядели Катю с головы до ног.

– Из Красно... чего?

– Из Краснотрубинска! – отрапортовала Катерина. – Вы не могли бы мне объяснить, каким образом проходит конкурс, какие задания необходимо выполнить, и вообще, каковы шансы на успех?

Красотки окончательно оставили свой оранж и тему подневольного секса.

– Не знаю, как твои, но наши шансы весьма и весьма скромны, – вымолвила девушка в лимонном костюме.

– А что вы тут говорили про секс? Это является обязательным условием приема на работу?

Девушки переглянулись: юная незабудка просто восхитительна в своей наивности!

– Понимаешь ли, дорогуша, для тебя это, конечно же, будет откровением, но на секретарше обычно, кроме заботы о компьютере, ксероксе, горячем кофе и деловых письмах, лежит ответственность и за состояние тела ее босса. А так как работа у него напряженная и нервная, то ему будет необходимо периодически расслабляться. Вот для этого и нужна секретарша – исполнительная, умелая, непритязательная, – ответила нежно-голубая девушка.

– Боже мой! – ужаснулась Катюша. – Если бы я знала об этом, то ни за что бы не пришла сюда.

– Видишь ли, милочка, это подразумевается само собой, – участливо заметила лимонная, – раз хочешь пристойный оклад и прочие жизненные удобства – надо отдавать фирме всю себя полностью.

– И это правильно, – подхватила нежно-голубая. – Ведь даже за рубежом, например в японских корпорациях, всячески стараются внушить работникам мысль, что они трудятся и живут в одной большой семье. И когда ты потрешь в ванной спинку своему директору или начнешь подавать кофе в постель менеджеру по рекламе, неужели не ощутишь прекрасного чувства единения со своими патронами, не станешь осознавать себя частью большой банковской семьи?

Катя ошарашенно молчала.

– Но как же вы и все другие девушки согласны на такие условия? – отчаянно воскликнула она.

– Мы, девочка, ни в коем случае на это не согласны. Мы просто зашли посмотреть. О, моя очередь!

Оставив подругу, которая насмешливо улыбалась, и Катерину, которая растерянно оглядывала соперниц, пытаясь обнаружить на их красиво закамуфлированных лицах следы тотальной развращенности, лимонная девица откинула назад свои длинные каштановые волосы, поправила пиджак и направилась к открывшейся двери.

– Катя, сосредоточься, пожалуйста! Ну давай попробуем еще раз.

Обаятельная, очень коротко подстриженная женщина снова включила магнитофон, и из него полилась английская речь. Напуганная откровениями жестоких соперниц Катя решила испытать свои силы в конкурсе, узнать, насколько она подготовлена к подобному испытанию, но в случае удачи отказаться от места. Не стоило беспокоиться: ее таланты, столь блестящие в масштабах Краснотрубинска, в Москве так же не впечатляли, как скромный волнистый попугайчик, посаженный в одну клетку с ярким желто-синим арой.

Катя должна была пересказать текст, выплескивавшийся из магнитофона волнами вибрирующих скомканных звуков, но она ничего не понимала. Участница школьных олимпиад, которая всегда считала английский своим коньком и даже одолела в оригинале одну книгу (не очень толстую) Сомерсета Моэма, теперь сидела перед экзаменатором и не могла разобрать ни слова.

– Нет, Ольга Васильевна, я ничего не понимаю! Ну дайте мне что-нибудь прочитать с листа, и я перескажу вам на английском!

Ольга Васильевна покачала головой:

– К сожалению, Катя, с тестом по языку ты не справилась. Я вижу, что у тебя богатый словарный запас и пишешь ты грамотно, но совершенно не воспринимаешь речь на слух. Это беда всех, кто учит язык в отрыве от языковой среды. Советую тебе больше слушать английские передачи по радио, телевизионные новости. Идеально было бы для тебя съездить на пару месяцев в Англию – сейчас это вполне реально и не так уж дорого. И еще – записывай свою речь на магнитофон и потом корректируй произношение, оно у тебя основательно хромает.

«На пару месяцев в Англию! Как же я об этом не подумала! На пару месяцев в Англию – и никаких проблем. Так, и с английским я пролетела», – мысленно констатировала Катя. До этого она с блеском провалила тест на компьютерную грамотность. Надо было перепечатать страницу из книги, и Катя с ее десятипальцевым методом несомненно восхитила бы экзаменатора, но она впервые приблизилась вплотную к компьютеру и поэтому даже не смогла включить питание, не то что отыскать текстовый редактор.

Копир Катерина едва не сломала. Предложение вставить новый рулон бумаги в факсовый аппарат повергло ее в глубокое замешательство. На вопрос, имеет ли она водительские права, Катя удивленно ответила, что, конечно же, нет: она вовсе не собиралась бороздить на супер«МАЗе» территорию России, а скромно испытывала свои силы в конкурсе секретарш, – зачем же спрашивать о водительском удостоверении? Более-менее удалось ей составление письма, адресованного дружественным банкирам Гренландии, но и тут Катя не уложились во времени.

«Кажется, они хотят иметь в приемной Маргарет Тэтчер, Цицерона и Генри Форда в одном лице, – возмущенно думала Катерина. – И о каких сексуальных услугах может идти после этого речь?! Девушку, которая в состоянии проделывать все эти сложные трюки с компьютером и копировальным аппаратом, девушку, которая может одной рукой писать речь для выступления на собрании акционеров, другой вертеть баранку автомобиля, а на голове еще держать поднос с бутербродами и кофе, – такую девушку надо показывать за деньги и хранить под пуленепробиваемым стеклом!».

Дома, в одиннадцать часов вечера, Катя рассказывала Татьяне Васильевне о своем грандиозном провале.

– Ну и не беда! – заверила ее родственница. – Работы хватит на всех. Или пока иди куда-нибудь учиться.

– Конечно, не беда, Танечка, – отвечала Катя и этим ласковым «Танечка» словно превращала свою объемную немолодую тетку в подружку-восьмиклассницу. – Зато теперь я знаю, что мне нужно делать.

– Подтянуть английский, исправить произношение, получить водительские права, изучить компьютер и оргтехнику, создать новый гардероб. Ты не находишь, что я ужасно толстая, не умею пользоваться косметикой и одеваюсь со вкусом аборигена, который в возрасте сорока шести лет впервые увидел одежду, отличную от набедренной повязки?

– Я нахожу, что ты самая прекрасная девочка во всем городе.

В это же время на противоположном конце Москвы в маленькой комнате, которую они снимали на двоих, уставшие подруги вешали на плечики одна лимонный, другая голубой пиджак. Несмотря на то, что со вкусом у них было все в порядке и компьютер не пугал их своей

непредсказуемостью, и нравственные убеждения позволяли с максимальной готовностью удовлетворять любые запросы работодателя, однако и они не выдержали конкурса.

– Самое смешное, если взяли эту маленькую провинциалку, – сказала Лена, вбуравливаясь в кровать и наматывая на себя одеяло.

– Самое смешное, – откликнулась Ира, – что если эту дурочку покрасить, одеть, то на нас с тобой никто даже и не посмотрит. От нее на пять километров веет чистотой и невинностью. И еще непонятно чем, на что мужики кидаются, как оголодавшие волки...

Почти два месяца Катюша проработала в коммерческом киоске. Это не совсем соответствовало ее честолобивым планам захвата столицы, но давало возможность не чувствовать себя удобно расположившейся на шее Татьяны Васильевны.

Восемь часов в день Катя сидела в стеклянном расписном «аквариуме», украшенном надписями «Stimorol» и яркими флагами «Lucky Strike». Владелец киоска, восточный мужчина, пять раз с удивлением и скорбью поймал себя на мысли, что не может потребовать от Катерины той скромной услуги, которую охотно оказывали ему предыдущие продавщицы в благодарность за предоставленное место работы, и поставил в киоск магнитофон. Целые дни Катя вслушивалась в английскую речь.

Она продавала жвачку, шампунь «Wash & Go», икру, сигареты, бросая мимолетные взгляды на лица за стеклом – лица мальчишек, мужчин, стильных дам, интересных и не очень интересных девушек и джинсово-кожаных парней. Но самыми желанными покупателями были стремительные джентльмены, выскакивающие к киоску из недр свежeweымытых автомобилей. Они просили сложить в пакет пару бутылок шампанского, коньяк, конфеты, апельсиновый сок и т.д. и вновь исчезали в таинственном чреве «Мерседеса» или «Шевроле», оставляя Катерине щедрую сдачу. Сначала она пыталась вернуть деньги, кричала вдогонку, обижалась и негодовала, потом проконсультировалась у Татьяны Васильевны, смирилась и стала относиться к этим подачкам как к неизбежному, но выгодному злу. Из таких чаевых к концу дня набегала энная сумма, перекрывающая все «Сникерсы», «Пикники» и «Марсы», которые Катерина усердно поедала в течение дня. Киоск, благодаря пронырливости восточного мужчины, стоял на людном месте, торговля шла очень бойко, но через два месяца Катя заметила, что незаметно набрала пять килограммов, а на ее безупречно-розовых щеках появилось несколько нежных прыщиков – следствие неумеренного поглощения шоколада.

В начале жаркого июля девяносто пятого года Татьяна Васильевна подняла телефонную трубку, набрала номер и приняла участие в следующем диалоге.

– Оксаночка, здравствуйте. Это Татьяна Васильевна.

– Здравствуй, милая Татьяна Васильевна. Давно вас не слышала.

– Я с деловым предложением. У вас сейчас как, есть домработница?

– С тех пор как вы нас покинули, коварная, жестокая Татьяна Васильевна, никто не может нас устроить! Возвращайтесь.

– Нет, Оксаночка, я хотела рекомендовать вам свою племянницу. Прекрасная девочка, великолепно готовит, трудолюбивая очень.

– Если вы можете поручиться за ее честность и если она хотя бы на семьдесят процентов поддержит вашу марку, то присылайте ее. У нас новый адрес, кстати, запишите... Пятнадцать минут от Садового кольца.

«Два часа, не меньше», – прикинула Татьяна Васильевна, записывая адрес на бумажечку. Она измеряла расстояния возможностями общественного транспорта, а Оксана Берг – подвижностью пятой модели «БМВ».

– Твоя изнеженная супруга уклоняется от своих обязанностей, – говорила Яна отцу, Олегу Кирилловичу Бергу, ковыряя вилкой в тарелке.

Они сидели в прохладном зале ресторана «Анна», и это было их традиционным совместным выходом в свет, совершаемым раз в два месяца. Большого количества времени, кроме ресторанного обеда, Олег Кириллович, загруженный делами сорокадвухлетний вицепрезидент инвестиционной корпорации «Омега-инвест», в своем плотном графике найти не мог.

– Твоя драгоценная Оксаночка снова наняла домработницу, – зудела Яна.

Она уже выложила своему труднодоступному, озабоченному только проблемами корпорации отцу и о гнусном поведении некоторых учителей ее колледжа, и о необходимости купить четыре-пять пар новой летней обуви, и о том, что в их классе уже девять человек съездили на уикэнд с родителями в Лондон или Рим, хорошо бы и нам поколесить по Европе, хватит изображать Лермонтова в изгнании или Пушкина в Болдине, пора тебе, папулька, отдохнуть от российской действительности... А теперь Яна настойчиво разрабатывала милую сердцу тему отрицательных качеств мачехи.

– ...Наняла домработницу. Подумаешь, какая нежная, не может сама приготовить мне ужин. Весь день сидит дома, уже позеленела от скуки, чем же ей еще заниматься, как не обустройством квартиры? Нет, обязательно надо пригласить кого-то со стороны.

Олег Кириллович спокойно слушал назойливое бубнение дочери, зная, что в любой момент может пресечь поползновения в сторону своей красавицы жены и перевести разговор на удобную тему покупки нового костюма или платья. Но в голове у него, во-первых, вертелся очередной перспективный проект для фирмы, во-вторых, домой Олег Кириллович приходил поздно и скандалы между вредной дочуркой и молодой женой, происходившие преимущественно в его отсутствие, совершенно его не волновали. Так что Яна могла изливать желчь и безуспешно пытаться скомпрометировать мачеху – она не встречала со стороны отца ни протеста, ни сочувствия. В принципе все их совместные обеды были выдержаны в едином стиле: непрерывный монолог Яны, где жалобы на жизнь соседствовали с частыми просьбами денег, и молчаливое присутствие Олега Кирилловича.

– Ей ты купил прошлой зимой новую шубу, а мне нет, – ныла дочь, – в чем же я буду ходить? Сквозь мою обглоданную норку уже просвечивают колготки. Ведь замерзну насмерть! Ну, папа, ты совсем меня не слушаешь, ну посочувствуй любимой дочурке!

Олег Кириллович наконец-то отвлекся от своих мыслей и мартини и обратил внимание на Яну.

– Давайка я подкину дочурке денег, – улыбнулся он. Подкинуть денег – эта нехитрая процедура безотказно и молниеносно поднимала настроение Яны сразу на семнадцать пунктов. – Сколько тебе нужно?

Яна оживилась, ее глаза засверкали плотоядным блеском.

– Дай мне триста, нет, пятьсот долларов! – воскликнула она. – Папулька, ты прелесть, хотя и не уделяешь моему воспитанию должного внимания. Спасибо. Целую в носик. Кстати, закажи мне осетрину с грибами. Я все еще не наелась!

Олег Кириллович впервые за обед удосужился отреагировать более-менее эмоционально.

– Как же так! – возмутился он. – Сколько можно лопать? Ты съела жульен, овощной суп, шашлык, бутерброд с красной рыбой, графин сока, бокал мартини, мороженое и вот эту гигантскую вазу с фруктами. А теперь еще и осетрина?

Олег Кириллович, оставаясь внешне индифферентным к окружающему, на самом деле четко фиксировал в своей компьютерной голове все изменения в обстановке. Он не пропустил ни одного слова в Яниных lamentациях и отметил все пункты меню, в которых блестяще выступила его упитанная дочь.

Яна сделала несчастные глаза и попыталась изобразить жалкую голодную сиротку, но это у нее не получилось, так как она весила уже на десять килограммов больше нормы, а ее откормленные упругие щеки радовали глаз свежестью и здоровьем.

– Посажу тебя на диету. Иначе через год ты превратишься в дряблую толстушку, а я буду виноват.

– Конечно, – уныло согласилась Яна, – родители всегда виноваты в неблагополучии детей. Ладно, буду тихо умирать от голода. Домработница, которую наняла Оксанка, тоже пухлая и круглая. Этакая провинциальная дунечка! Представь себе – коса! Толщиной как моя рука. Одета неимоверно, завал, нет сил описать. Хотя мордашка, надо признать, симпатичная. А что, мы уже уходим?

За последние полгода Макс Шнайдер побывал в штаб-квартире компании «Юмата хром корпорейшн» по крайней мере восемь раз. И сейчас, взлетая в стеклянном лифте на двадцать четвертый этаж токийского небоскреба, он вновь и вновь прокручивал в голове детали предстоящей сделки.

Опять придется лететь в Россию. И не в столичный город, а в самое захолустье. Эта перспектива его, с одной стороны, не радовала. Грязь, хамство, тараканы в гостиничных номерах, отсутствие вегетарианских блюд в ресторанных меню, разбитые мостовые, невозможность взять напрокат машину – все эти неудобства чрезвычайно раздражали Макса Шнайдера. Еще совсем недавно, лет семь назад, прилетая в Россию, холеный, вальяжный Макс, обладатель недвижимости во всех европейских столицах, чувствовал по отношению к своей персоне трепетное подобострастие русских аборигенов. А теперь он приезжал в страну и уезжал из нее, не ощущая своей избранности. На улицах его толкали грубые прохожие, а на базаре, куда Макс устремлялся в поисках экологически чистого корма, могли банально обругать, как простую домохозяйку. И настроение изменилось. Конечно, и раньше в русской бесшабашности чувствовалась нота неизбежного конца. И пьянки, и переговоры – все как в последний раз. Но теперь Макс во всем чувствовал горькую, фатальную обреченность, и это портило ему настроение.

Но все это было внешнее, связанное с неудобствами быта, которые Макс Шнайдер переносил с трудом. С другой стороны, перед каждым новым приездом в Россию Шнайдер испытывал приятное волнение, так как каждая новая поездка приносила ему изменение в мировосприятии или какое-то неожиданное открытие. Иногда ему казалось, что миллионная часть его существа, тончайшая струйка крови уходит корнями в эту землю и связывает его с Россией родственными узами...

Раздался мелодичный звон, и двери лифта плавно разошлись. Макс Шнайдер бросил мимолетный взгляд в зеркало, вытянул губы трубочкой и пошевелил образовавшимся хоботком – упражнение против носогубных складок. В общем, он остался доволен увиденным.

Да, уже сорок восемь, но выглядит на пять лет моложе. И несомненный победитель. Во всем: и в борьбе с болезнью (рак желудка, остановленный усилиями американских врачей и мужественным героизмом самого Шнайдера), и в отношениях с женщинами, и хотя бы в нелегком моральном противостоянии российским уличным нищим (попробуй отвяжись!), и главное – в делах. За тридцать лет в бизнесе Макс Шнайдеру хватило бы пальцев одной руки, чтобы сосчитать свои неудачи. Для подсчета побед нужно было обращаться за помощью к компьютеру.

Несколько шагов по мягкому ковровому покрытию – и Шнайдер очутился в апартаментах «Юмата хром корпорейшн». Приближаясь, он надел улыбку номер 78 – «добрый удав, обещающий кролику виртуозную анестезию» – и увидел господина Масачику Арита, который нежно смотрел на него взглядом влюбленной акулы.

Бесшумный официант поставил перед собеседниками чашечки кофе и растворился в стеной кожаной обивке цвета молочного шоколада.

– Господин Шнайдер, должен сообщить вам, что наша заключительная беседа будет носить официальный характер и все мои предложения отражают намерения «Юмата хром корпорейшн», – произнес японец.

Шнайдер наклонил голову в знак согласия. Он этого ждал. Сейчас японец будет два часа ходить вокруг да около, пока доберется до сути, используя многочисленные намеки и образные сравнения, превознося деловые качества и хватку Шнайдера, но в пределах, ограниченных суммой гонорара (Макс за тридцать лет так поднаторел в переговорах, что по концентрации льстивых замечаний мог с точностью до пяти тысяч определить, на какое вознаграждение он может раскрутить партнера). Шнайдер автоматически отсеивал вежливые лирические отступления – они возникали перед его мысленным взором в виде печатных страниц, обведенных жирной рамкой и перечеркнутых крест-накрест, – без которых не могут строить свой монолог японские коллеги, и тщательно фильтровал информацию. Он уже знал, зачем его вырвали из Амстердама, где он проворачивал судьбоносную сделку для одной американской мегакорпорации.

Японцы хотели купить промышленный комплекс в городе Краснотрубинске – горно-обогатительный комбинат и ферросплавный завод. Предприятие акционировалось полгода назад, и государство решило выставить на инвестиционный конкурс свои сорок девять процентов акций. «Юмата хром корпорейшн» была готова предложить сто восемьдесят миллионов долларов: перспектива получить в свое распоряжение уникальное производство сушила компании огромную выгоду. Используя фантастически дешевую рабочую силу, модернизировав производство, корпорация могла бы получать фантастическую прибыль. Огромное преимущество перед хромовыми рудниками в других странах состояло, в частности, в том, что российские экологические нормы позволяли буквально выжимать деньги из земли, взамен щедро унавоживая ее отходами производства. Это было бы совершенно невозможно в самой Японии, где выполнение всех требований по охране среды съедало львиную долю доходов.

Но не все было просто. На лакомый хромовый рудник претендовала еще (пока) одна компания – никому не известная и не отмеченная ни в одном справочнике американская «Тимманз индастриэл компани». Другой причиной, почему японцам понадобилось обратиться к Шнайдеру, был загадочный и неподвластный логике характер русских чиновников.

В этой зыбкой категории господин Шнайдер должен был блеснуть своими познаниями.

– ...Учитывая ваш многолетний опыт, мы надеемся, что вы сумеете найти подход к людям, от воли которых будет зависеть судьба краснотрубинского комплекса, уважаемый господин Шнайдер, – чарующе ворковал Аритасан, растягивая губы в любезной улыбке каждые три секунды. – Вот в этой папке мы подготовили для вас все, что касается хромовых предприятий. – Папка представляла собой нетранспортабельный восьмисотстраничный фолиант в суперобложке, который едва не повредил доверчивому Шнайдеру, принявшему его в руки, локтевой сустав. – А здесь наш контракт с вами. Мы ценим ваше умение работать и исключительные знания в области психологии... – Японец глазами указал Шнайдеру на цифру.

Тот бросил мимолетный взгляд на главный пункт контракта – немного меньше, чем он запросил во время предварительных переговоров, и все-таки намного больше той минимальной суммы, за которую он согласился бы взяться за дело.

Одним из откровений, явившихся Макс Шнайдеру в России, было понимание того, что русская ментальность постепенно завладевает его мозгом, вырастает в него. Вот и сейчас он чувствовал, что способен увлечься делом краснотрубинского комбината не из-за денежного вознаграждения, а просто из интереса и азарта. Расчетливый немец в нем яростно протестовал: что за идиотизм! Для благотворительных целей бюджет предусматривает отдельную статью расходов! Капля русской крови, которую, возможно, носил в себе Шнайдер, расслабляла мышцы и порождала не свойственное немцу бескорыстие.

Значит, снова в Россию. Не отвертеться. Проклятие. И в который раз Макс Шнайдер почувствовал неодолимое желание прямо сейчас мчаться в аэропорт, сесть в «Боинг» компании JAL и лететь в Москву. Россия его раздражала, но в этом раздражении, вызывавшем почти физическую боль, на самом дне таились крупицы непонятной сладости.

Когда Татьяна Васильевна предложила Катюше поработать прислугой в доме богатого бизнесмена, Катя ужаснулась. Годы столичной жизни не усложнили, по мнению девушки, натуру Татьяны Васильевны. Она была все так же проста. Прислуга, горничная! Какой позор! Находиться в услужении у людей, у этих самых новых русских, о которых пишут все газеты в пренебрежительно-подобострастном тоне и которые, возможно, окажутся некультурными, невежественными людьми? Ужасно, унижительно, невыносимо! И Катя, повинувшись закону женской логики, согласилась.

Преимущества нового места были очевидны. Во-первых, двадцать часов в неделю кухонно-туалетных работ не сравнить с утомительным времяпрепровождением в коммерческом киоске. Во-вторых, подсказала практичная Татьяна Васильевна, Катя будет обедать там же, значит, забудет о пресловутых макаронах и станет вкушать легкую пищу миллионеров – фрукты, орехи, минеральная вода, крабы и так далее.

В-третьих, Оксана Дмитриевна – изумительная женщина, молодая, совсем не высокомерная, и Катя сможет поучиться у нее умению держать себя в обществе и красиво одеваться. В-четвертых, у них есть компьютер, даже два. Если завоевать доверие, то они наверняка позволят домработнице на пятнадцать минут в день отвлекаться от разделывания антрекотов и выдавливания лимона на испуганных устриц, и Катя сможет освоить Lexicon, Word, Foton и прочие секретарские радости. Через полчаса уговоров Катерина и представить себе не могла, как ей жить вне семьи Оксаны Дмитриевны Берг.

Очень долго и напряженно она добиралась до резиденции Бергов, поминутно сверяясь с бумажкой, где заботливая Татьяна Васильевна начертила подробный план со стрелками и разлапистыми звездочками. Путешествие в московском автобусе породило мысль, что народ, взрастивший поколение в автобусной давке, не может отличаться чувством собственного достоинства.

Нельзя сохранить уважение к себе, если каждый день тебя сдавливает напряженная толпа, на колени льется молоко из продырявленного пакета, бедро служит подставкой полужающему ребенку, плечо искусано в предсмертной судороге припадной старушкой, а грудь подвергается насилию со стороны мерзкого ублюдка с маслянистым взглядом. И все это – под нестройный хор мата и раздраженных взвизгиваний...

Квартира бизнесмена повергла Катю в шок. Она была потрясена. Она и вообразить не могла, что существуют двухэтажные десятикомнатные жилища с тремя ванными комнатами. Кроме двух компьютеров, Катя, к своей радости, обнаружила и новый рояль.

Она закончила музыкальную школу четыре года назад и все еще могла бодренько и очень громко отколотить бетховенскую «Патетическую» сонату со всеми репризами.

Оксана Дмитриевна, молодая и обаятельная женщина, очаровавшая и влюбившая в себя Катю через полчаса после начала беседы, объяснила, чего она ждет от нее.

В Катины обязанности входило приготовить поздний обед (или ранний ужин) для Оксаны и ее падчерицы Яны, толстоватой и вредной девицы. Кроме того, навести порядок во всех комнатах, постоянно бороться с пылью, сортировать белье и отдавать его прачке, пылесосить ковры, мыть ванные комнаты и так далее – многочисленные увлекательные, энергоемкие процедуры, которые составляют личную жизнь женщин, не имеющих возможности нанять домработницу.

...Дни побежали один за другим, Катя проводила их в постоянных заботах. Время от времени Оксана оставляла ее одну в доме, и тогда, быстро завершив приготовление обеда и маленьким симпатичным вихрем промелькнув по квартире с пылесосом в зубах, Катюша осторожно пристраивалась к компьютеру или роялю. Однажды она нашла диктофон, с десятой попытки сумела включить его, принесла из дома кассету и теперь тайком муштровала свой непослушный язык, заставляя его не произносить английские «t» и «w» подобно русским «ч»

и «у». Это было нелегко. Много радостных минут доставили Катерине велотренажер и платяной шкаф Оксаны.

Первый она настойчиво эксплуатировала, во втором аккуратно развешивала дорогие пиджаки и платья.

Заметив, с каким благоговением утрамбовывает Катя ее наряды, Оксана рассмеялась и предложила: «Хочешь, я подарю тебе этот красный костюм, когда ты будешь в состоянии в него поместиться? Он совсем новый, но пока тебе безнадежно мал». «Решено, – подумала Катя, проводя пальцем по идеально отстроченному карману, – скоро он будет моим. А вот эта норковая шубка мне уже как раз...».

Оксане Берг было всего тридцать два года. Когда пять лет назад она выходила замуж за Олега Кирилловича, его единственным недостатком была наглая и распущенная дочь от первого брака. Теперь, получив все, о чем она когда-то мечтала и что, по ее представлению, составляло счастливую жизнь: фешенебельную квартиру в престижном районе, иномарку с шофером в личном пользовании, шкаф умопомрачительных туалетов и возможность путешествовать по всему миру, – получив все эти недоступные многим атрибуты богатства, Оксана все чаще и чаще ловила себя на мысли, что в ее жизни больше уже не случится ничего хорошего.

Она вставала в семь утра и провожала мужа на работу. Прохладный поцелуй в щеку часто становился единственным актом общения с женой, который совершал Олег Кириллович за весь день. Иногда, часов в одиннадцать, Оксана с водителем Сашей выезжала за покупками – эта обязанность не доставляла ей прежнего удовольствия и не требовала, как раньше, затрат творческой энергии. Продуктовые экспедиции занимали совсем немного времени, потому что первый же супермаркет при наличии той суммы денег, которой оперировала Оксана, моментально удовлетворял гастрономические запросы семейства. Посещение магазинов модной одежды она прекратила, три раза полностью обновив гардероб, – Оксанины «от кутюр»-ные вылазки производили на Олега Кирилловича такое же впечатление, как появление кометы Галлея на парочку австралийских утконосов. А когда-то, года четыре назад, он сам покупал ей одежду и не уставал восхищаться ее лицом и фигурой.

Время от времени Оксана пыталась оказать помощь своей и без того прекрасной внешности в косметологии, но женская болтовня ее раздражала. В бассейне она не добивалась блестящих результатов, к тому же хлорка разъедала глаза, а надоедливые мужчины в плавках действовали на нервы – никто не хотел понять, как невыносимо омерзительны их мокрые волосатые ноги и покрытая пупырышками кожа плеч.

Подруги студенческих лет были поочередно истреблены, словно двадцать восемь панфиловцев: сначала они с восхищением изучали Оксанино гнездышко, набитое дорогой мебелью, техникой и толстыми коврами, примеряли шубы и бриллиантовые украшения, но второй раз уже не появлялись. Никто из них не желал обрекать себя на мучительную пытку черной зависти к разбогатевшей подруге.

День за днем Оксана лежала на кровати, читала детективы и ждала появления Олега Кирилловича. Но появлялся не трудолюбивый возделыватель долларовых плантаций, а вредная шестнадцатилетняя девица Яна с постоянным шлейфом из чудовищного количества молодых придурков в ярких пиджаках и пестрых атласных жилетах. Отношения мачехи и падчерицы классифицировались как «здоровая ненависть». Яну возмущало, что Оксана весь день валяется на диване с книжкой (и не толстеет, самое обидное!) и мешает ей заниматься в квартире тем, чем она хотела бы заниматься. Яна истекала желчью, требовала от родителя не тратить на Оксану денег и яростно грызла ноготь, когда ее очередной бойфренд, увидев мачеху, восклицал: «Ого! Вот это девочка. Познакомь?».

Оксана не любила Яну за ее категоричность, за громкую однообразную музыку, за развязное поведение и бесконечные лобзания с многочисленными поклонниками.

Глубоким вечером в квартиру пробирался Олег Кириллович. Усталый и измотанный, он хватал на кухне большой кусок чего-нибудь съестного и мчался в кабинет пошуршать деловыми бумагами. А встретив в кровати в два часа ночи вопросительный взгляд жены, грустно махал рукой: «Ну что ты, милая, я тебя люблю, как и прежде, просто я сегодня на нуле» – и засыпал крепким сном. День заканчивался и начинался снова, и все они были похожи до такой степени, что, если бы Оксана захотела вести дневник, она бы переписывала одну и ту же страницу бесчисленное число раз.

И вот у Оксаны наконец-то появилось развлечение – живая игрушка. Искренняя, непосредственная и трудолюбивая Катя являлась приятной альтернативой распушенной, дерзкой и ленивой Яне.

...Катя в пятый раз за неделю пылесосила ковер в фиолетово-голубых разводах. «Раз-два, раз-два» – водила она по ковру рыльцем пылесоса и в такт повторяла английские слова: «delivery» – «поставка», «shipment» – «отгрузка», «delivery» – «поставка», «shipment» – «отгрузка». Катя твердо решила учить каждый день по три новых слова. На первый взгляд – ерунда, но в месяц получится девяносто, а в год? Сколько же получится в год?

Оксана подкралась сзади (ее поведение плохо сочеталось с образом нудной хозяйки дома, терроризирующей несчастную прислугу, – она вела себя очень несерьезно) и подергала Катерину за пушистую темно-русую косу. Труженица выпрямилась и вопросительно улыбнулась.

– Ну сколько можно пылесосить этот ковер! На нем и так не осталось ни одной пылинки! И возможно, он облысеет от твоего усердия. – Оксана выключила пылесос. – Пойдем погрызем яблочки, выпьем чаю.

– Если вы хотите есть, я могу подогреть обед.

– Я приготовила мясо с овощами и...

– Да нет же, – нетерпеливо возразила Оксана, – просто мне скучно, и я хочу с тобой пообщаться.

– Хорошо, – согласилась Катя, вздыхая, – только я быстро закончу уборку. Не люблю бросать дело на середине.

И она снова включила пылесос. Оксана теперь пятнадцать раз в день предлагала «выпить чайку», в результате Катерина попадала домой не в три часа дня, а в восемь вечера: поразвлекав разговорами скучающую даму, она не могла уйти, не выполнив своих обязанностей, и поэтому задерживалась.

Они устроились на белоснежной, сверкающей благодаря Катиным усилиям кухне, около огромной вазы с грушами и яблоками. Свисал фиолетово-черный виноград и желтела плотная гроздь бананов.

– Ты похудела, Катя! Устаешь?

– Не очень, просто вы ведь сами сказали, что мне надо худеть. Я теперь не ем хлеб.

– Да, ты и так хорошенькая, а если сбросишь еще пять – семь килограммов, то будешь неотразима.

– Да, у вас тут любят худых и высоких девушек...

– Возможно. Хотя... Конечно, если ты работаешь секретаршей и являешься лицом фирмы, то от тебя будет требоваться цветущий вид одновременно с нежизнеспособной конструкцией и европейской прозрачностью. Но, с другой стороны, и жизнерадостные пампушки пользуются огромным успехом у мужчин. Мужчин очень трудно понять, их непоследовательность мне кажется удручающей, а всеядность граничит с патологией.

– Я совсем ничего не знаю про мужчин. Ну, в плане их отношений с женщинами, – смущаясь, призналась Катя.

– Это удивительно, что в восемнадцать лет при такой очаровательной внешности ты как чистая страница, на которой не оставил автографа ни один мужчина. Уникальное явление. Особенно здесь, в большом городе, – кругом столько грязи, все извращено.

– У нас дома телевизор плохо показывает и нет кабельного телевидения. А здесь я смотрю фильмы, то есть некоторые я начинаю смотреть и сразу же выключаю. Мне это кажется порнографией, и я стесняюсь Татьяны Васильевны, ведь она это все тоже увидит.

– Да, а вот Яна не только все программы телевидения смотрит, но еще и кассеты с друзьями по видику. И думаю, от того, что они смотрят, у тебя бы волосы на голове зашевелились. И считают это нормальным. И про мужчин она, наверное, уже все знает. – Яна очень странно расходует время! – поддержала Катя. Направления кухонных разговоров поражали своими причудливыми изгибами. Девушки бодро перепрыгивали с одного предмета на другой, тасуя темы, как карты, и везде обнаруживая удивительное единодушие. – Если бы у меня в шестнадцать лет были такие возможности!

– Да, ее интересуют только мальчики и тряпки. Она уверена, что вскоре выйдет замуж за такого же богатого и энергичного мужчину, как ее отец, и будет жить без проблем. Возможно, и выйдет, но она и не подозревает, как это трудно – быть женой делового человека.

– О! – искренне изумилась Катя. – Вам разве трудно?

Она действительно не понимала, как может быть трудной жизнь, которая состоит из магазинных прогулок, чтения детективов, задумчивого созерцания накрашенных ногтей и примерок у известных портных.

– Да, Катя, да... Ты даже не представляешь, как же мне тяжело!

– Вам?! Такой красивой и богатой?

Когда обе стороны твердо настроены говорить друг другу только приятное – они неизбежно добьются взаимопонимания. Конечно, Оксана постоянно путалась под ногами, мешала заниматься уборкой и немного раздражала своим тотальным ничегонеделаньем, но все-таки у Кати появился первый друг в Москве, а у жены бизнесмена – новый способ убивать время.

Целых два дня Макс Шнайдер провел в Краснотрубинске. Этого оказалось достаточно, чтобы выяснить обстановку, познакомиться с Максимом Колотовым и быть почти затоптанным батальоном резвых «прусаков» в двухэтажной краснотрубинской гостинице.

Городок ликовал и предавался буйному оптимизму: местная прессочка (не поворачивался язык назвать «средством массовой информации» трудночитаемый листок «Краснотрубинская заря», забитый объявлениями, некрологами и поздравлениями) донесла из столицы слух, что горно-обоганительный комбинат и ферросплавный завод будут приватизированы то ли японцами, то ли американцами.

Краснотрубинцы, на девяносто восемь процентов состоявшие из работников комбината или завода и уже семь месяцев не получавшие зарплату, синхронно испытали жгучее желание отдаться самураям или янки. И ушли, счастливые, в запой. Уникальный промышленный комплекс натужно кряхтел, как раненый динозавр, и со вздохом выпускал в воздух плотные струи черного дыма.

Непонятно почему, но краснотрубинцы связывали мысль об иностранном владении комбинатом со своим будущим процветанием. Они трогательно радовались и спешили верить свои судьбы заморскому хозяину. Такая детская доверчивость раздражала и огорчала Макса Шнайдера.

– Что вы хотите? – говорил молодой светловолосый и очкастый парень неопределенного рода занятий Максим Колотов. Они со Шнайдером скооперировались еще в шатком самолете, когда немец внезапно почувствовал, что его внутренние органы коварно пустились в автономное странствие, оставив Шнайдеру жуткое ощущение: беременная женщина при виде еды

в самый разгар токсикоза. – Что вы хотите? Они думают, что японцы построят магазин и детский сад, а в цехах поставят аппараты с бесплатным кофе и станут вовремя платить зарплату.

– Как дети, как дети... – твердил Макс Шнайдер, брезгливо отковыривая салфеткой засохший трупик таракана с ручки гостиничного кресла. – Ни одна страна в мире, а ведь дела меня забрасывали в Аргентину, Зимбабве, Таиланд, Исландию, не говорю про Европу, мой родной дом, – ни одна страна в мире не вызывает во мне столь сильного чувства. И я не могу никак разобраться – то ли это ненависть, то ли род особой, мучительной любви.

– Совершенно вы правы, Макс. Россия – как женщина. Больше любят тех, кто причиняет больше боли, – отвечал Максим Колотов.

Мужчины, замученные женщиной-Россией, сидели в гостиничном номере около журнального столика, где стояли бутылка минеральной воды и пластмассовое корытце с вязким супом из индийских трав для Макса Шнайдера и банка пива и хлеб с колбасой для Максима Колотова. Уже ходили в школу дети, родившиеся в год начала перестройки, но краснотрубинские магазины, как и прежде, изумляли посетителей пустотой прилавков. Еду – немецкий шоколад, турецкое печенье, просроченную саями в золотистой фольге – предлагали маленькие и грязные коммерческие киоски. Поэтому предусмотрительный Шнайдер посвятил гастрономической теме целый чемодан из своего основательного шестиместного багажа.

Несмотря на отсутствие кондиционера, по комнате гулял ветерок, и хотя пейзаж, выривавшийся в окне, был безнадежно испорчен трубами комбината, дышалось легко.

– Через час отправляемся в аэропорт, – предупредил Максим Колотов.

Напоминание о маленьком, доисторическом самолете, доставившем господина Шнайдера в Краснотрубинск (в критический момент выяснилось, что у стюардессы нет пакетов, и весь пассажирский коллектив в едином порыве предложил свои полиэтиленовые мешочки иностранному бизнесмену, который постепенно приобретал оттенок консервированной стручковой фасоли), вызвало спазм желудка. Макс взглянул на часы и ответил:

– Время есть.

Это флегматичное «время есть» было новым выражением для богатого словарного запаса Шнайдера, а также – этапным изменением в его взглядах на жизнь. Философскому «время есть», произнесенному с буддийским спокойствием, вместо привычного «время – деньги», энергичный и пунктуальный немец научился у Максима Колотова.

И вот снова Макс Шнайдер заметил, что каждый приезд в Россию меняет его мировосприятие. На этот раз в убогом провинциальном Краснотрубинске к нему в момент внезапного озарения пришло четкое и ясное понимание неповторимости и невозвратности каждой секунды. Конечно, он осознавал это и раньше, но сейчас мысль предстала перед ним выпуклым, ярким зрительным образом: благополучный бизнесмен Макс Шнайдер торопливо вырывает из своего будущего секунды, часы, дни и перебрасывает их назад, за спину, в прошлое. Возможно, краснотрубинский воздух, насыщенный выбросами огромных заводских труб, благодаря своему химическому составу провоцировал внезапное озарение.

Макс Шнайдер с удовольствием прислушался к индийской травке, покойно разместившейся в желудке. Как хорошо. Если бы не предстоящий полет, но пока еще есть время.

За дни пребывания в России представителю «Юмата хром корпорейшн» удалось выяснить, что негласной ключевой фигурой в деле приватизации краснотрубинского комплекса будет Денис Сергеевич Мирославский. Он сам родом из этих мест и, добравшись до кресла замминистра, никогда не забывал о малой родине – курировал все события, происходящие в области, и чуть ли не менял памперсы краснотрубинским младенцам. Хотя младенцы этого промышленного города были так же плохо знакомы с заморскими подгузниками, как их молодые мамы с Алексом Болдуином.

«Надо выходить на Мирославского», – думал Макс Шнайдер в самолете, проваливаясь в воздушные ямы и обложившись для верности тремя полиэтиленовыми пакетами.

Максим Колотов уверенно вел свою «семерку» по изъеденной дороге с битумо-минеральным покрытием – еще сто километров до приличной трассы, которая меньше чем через сутки приведет его в Москву. Выпускник института международных отношений, любитель пива, знаток японской графики, шести иностранных языков и синтоистских обрядов, журналист Максим Колотов уже полгода собирал и публиковал компрометирующий материал на Дениса Сергеевича Мирославского. Но ни одно его выступление пока не мешало вальяжному и улыбчивому заместителю министра вещать с экрана телевизоров, встречаться с народом и делать свою карьеру. К заявлениям прессы этот влиятельный политик относился как к назойливой собачонке, прилипшей к ноге: аккуратно отодвигал ее в сторону и продолжал путь твердой поступью уверенного в своей правоте человека.

У Яночки Берг возник интересный замысел. Отец улетел по делам в Испанию, Оксана, путем трехдневного изматывающего нытья, уговорила взять ее с собой. Дом наконец-то был в полном распоряжении созревшей в десять лет и в шестнадцать уже основательно перезревшей девицы. Яна решила устроить презентацию своему новому платью.

Поклонница вкусной еды, Яна кропотливо разработала меню фуршета: форель, фаршированные цыплята «Мехико», земляника в креме и прочая снедь – все это можно будет заказать в ресторане.

Хотя бы у «Анны», там прекрасные повара, а директриса – хорошая знакомая отца. Любительница потанцевать, Яна прикинула, что в новом платье ее телодвижения будут особенно выразительны и волнующи. Прирожденная вредительница, Яна потратила несколько дней на придумывание «изюминки» вечера – того, что всех развлечет и позабавит. Роль всенародной забавы веселая девочка решила отвести домработнице.

Яна отдавала должное ее внешности – эта провинциальная дурочка даст сто очков любой столичной красавице да и самой Яне. К тому же у нее, наверное, незаурядная сила воли. За два месяца, проведенные в доме Бергов, она уже сбросила, наверное, килограммов семь. Сама Яна почему-то никак не могла похудеть.

Эта домработница настоящая бездельница. Вместо того чтобы чистить кафель в туалете, она кайфует на велотренажере. И жрет бесплатные фрукты! Оксана попустительствует краснотрубинской тунеядке, а Олег попустительствует Оксане. Завела себе комнатную собачку по имени Катерина и развлекается.

В целом план вырисовывался следующий. Яночка пригласит похудевшую Катю на вечеринку. Даст ей какое-нибудь свое платье (хотя, наверное, оно на ней будет болтаться, тогда – фиолетовое мини, которое где-то валяется и из которого Яна выросла год назад), нарисует (краснотрубинская марфушка совсем не умеет пользоваться косметикой) и запустит в толпу. Пусть Катя пообщается с аристократической публикой, объявит всем, что она дочь известного дипломата, блеснет непринужденным английским, сорвет десяток-другой комплиментов. А потом Яна ненароком обронит: «Катюша? А... Она наша новая домработница...» Как это будет эффектно! Какой фурор произведет горничная, обманом затесавшаяся в толпу столичной «золотой молодежи»!

В преддверии торжественного вечера, упиваясь изоощренным замыслом, Яна даже испытала прилив нежных чувств к Катерине – она смотрела на жертву длительным ласковым взглядом, предвкушая ее будущий позор и унижение.

Катя волновалась. Мало того что надо было испечь гигантский «наполеон», приготовить тартинки, накрыть огромный стол, охладить пятнадцать бутылок шампанского, к тому же Яна почему-то вздумала пригласить ее на этот вечер в качестве гостя.

– Вот, наденешь! – Яна кинула в Катю фиолетовой тряпкой. – На колготки... Так, и туфли...

Мои, наверное, будут велики, да, несомненно будут велики, сейчас подберу какие-нибудь из Оксаниных! – Яна в черном кружевном комплекте (бюстгальтер, танга, чулки, пояс) поскакала по лестнице вверх.

Катя проводила взглядом ее толстый задок, уже подпорченный целлюлитом, и закричала: – Яна, как же у Оксаны брать! Неудобно!

– Переживет! – ответила Яна со второго этажа.

Когда она вернулась, Катя уже стояла без туфель на ковре по стойке «смирно» в платье, колготках и с распущенными волосами. Яна почувствовала укол зависти: фиолетовое платье сделало фиолетовыми и глаза Катерины, темные волосы блестели, ноги, которые эта провинциалка заботливо укутывала в длинные бесформенные юбки, оказались красивой формы.

Яна на секунду задумалась. А вдруг даже звание «домработницы» не заставит ее гостей окатить сексапильную фросю волной презрения?

– Вот, держи туфли, – кисло пробурчала Яна. – Не свались со шпилек. Мне еще самой надо одеться.

– Знаешь, Яна, – сказала Катерина, – сначала, когда я стала у вас работать, я почему-то думала, что ты никого не любишь. Я не могу понять молодых, красивых, обеспеченных людей, которые еще чем-то недовольны – ведь жизнь удивительна! Но сейчас я вижу, как ошибалась. Ты такая хорошая, просто пытаешься скрыть это, наверное, стесняешься своей чуткости. Я и мечтать не могла, что ты пригласишь меня на свой праздник.

«Вот дура!» – почти вслух подумала Яна и с трудом улыбнулась доверчивой красотке.

Проникновение в человеческую душу удавалось Кате хуже, чем торт «наполеон».

Все сразу же и бесповоротно было испорчено! Продуманный, изысканный план Яны с первой же минуты появления гостей покатился с обрыва вниз, громяхая и подпрыгивая, как железнодорожный состав.

Пять приглашенных мальчиков (от 19 до 23 лет) сделали скромный реверанс в сторону расфуфыренной Яны, и далее их внимание было полностью поглощено новой фигурой бомонда. Хозяйка и две другие гостьи были вынуждены развлекаться самостоятельно.

Катя выпила один бокал шампанского, потом перешла на кока-колу. На девятой минуте матча она, смущаясь, объявила, что в принципе работает прислугой у Яниных родителей. И приглашена на званый ужин исключительно по причине врожденной чуткости и деликатности Яны, которая, наверное, почувствовала, как одиноко Катерине в Москве, и решила окружить ее заботой. Удивившись, что в характере Яны присутствуют такие раньше никем не замеченные качества, мужская половина тут же заверила Катерину, что ценность женщины определяется отнюдь не ее социальным статусом. Женская половина брезгливо оттопырила губку. Потом Катя «пошла по рукам». В приступе неумеренной болтливости всем юношам хотелось рассказать о себе: да, статус домработницы не ронял ценность Кати, но выгодно оттенял жизненные достижения мальчиков из богатых семей. Они почему-то решили, что выглядят в глазах Катерины блестящими столичными львами, и уже никак не могли остановиться, извергая каскады острот и занимательных фактов, демонстрируя свою эрудицию. Катя не возражала. В середине вечера было разоблачено ее умение играть на рояле, и Катерину почти на руках унесли в другой зал.

– А чечетку она бить не умеет? – презрительно осведомилась одна из покинутых дам.

– Удружила ты нам, Яна. Что за бредовая идея пришла тебе в голову? Эти кобели с ума посходили при виде новой девочки, – сказала другая.

Ободренная безудержными комплиментами, Катя почти без ошибок исполнила три прелюдии Шопена.

– Ты заметил, как у нее напрягается мышца под коленом, когда она нажимает педаль, – тихо спросил Паша, юный самородок банковского дела, у Алексея, – я схожу с ума. А как вздымается нетронутая грудь перед очередным арпеджио? У малышки второй номер, не меньше.

– С чего ты взял, что грудь нетронутая? – удивился Алексей. – Малышка ловко имитирует невинность, но не сомневаюсь, она переплюнет и старушку Яну.

В конце вечера хозяйка бала вырвала разгоряченную мисс Ван Клиберн из жадных мужских лап.

– Слушай, Кэт, тут Алексей предлагает отвезти тебя домой. У него роскошный автомобиль, «Вольво» почти последней модели, ты на таком никогда не ездила.

Катя удивилась: сначала Яна предлагала ей остаться ночевать в доме Бергов, если она захочет.

– Катаржина, этот парень от тебя без ума. Он сказал мне. И к тому же он очень перспективен: собственная фирма, большие деньги, трехэтажный дом в Подмоскowie, родители восьмой год во Франции едят несчастных лягушек.

– Но, Яна, ты же сама мне предложила... Куда я поеду на ночь глядя?

– Вот глупая! – рассердилась и без того рассерженная Яна. – Он интересуется тобой, как ты не понимаешь? Не вечно же ты собираешься сидеть в домработницах! Соображай!

– Хорошо...

Катя чувствовала некоторую вину и смущение перед Яной. Она догадывалась, что не совсем правильно отвлекать на себя внимание пяти парней из пяти имеющихся в наличии. Но ведь она не прикладывала к этому никаких усилий!

Алексею, должно быть, очень не хотелось расставаться с новой знакомой: через сорок минут после отправления автомобиль находился все так же далеко от дома Татьяны Васильевны, как и в начале поездки.

Машина петляла по ярко освещенным ночным проспектам, из динамиков лилась нежная музыка, Катя блаженствовала. Она не ожидала, что добьется своей расплывчатой цели (наверное, ее целью все-таки было удачное замужество) так быстро. Она видела себя со стороны: на переднем сиденье дорогого автомобиля (ужасно глубокое кресло, платье уползло вверх, и ноги получились совершенно открытыми), тяжелые волосы падают на плечи... Красивая и загадочная – она и не знала, что, накрасившись, можно так удивительно выглядеть (когда Катя сама брала в руки губную помаду, то обязательно получалась женская версия Гуинплена) – рядом с чудесным парнем, интеллигентным, респектабельным, импозантным.

Теперь они будут дружить, кататься вечерами на машине, а потом он предложит ей выйти за него замуж.

Как просто и быстро все устроилось! Катя незаметно вздыхала, а где-то в груди уже шевелился, толкался теплый эмбрион любви.

– Вот мы и приехали.

Катя удивленно оглянулась. А ведь это пустырь за домом Татьяны Васильевны. Не узнала. Как не хочется расставаться, покидать роскошный салон автомобиля, пересекать пустырь, усеянный изогнутыми железными конструкциями, заходить в тесную квартирку, такую простую и аскетичную после дома Бергов.

Алексей, очевидно, тоже грустил при мысли о расставании.

– Давай пересядем на заднее сиденье и немного поговорим?

Какой чудесный московский обычай, восхитилась Катя, перед прощанием сесть на заднее сиденье и немного поговорить!

– Ты просто прелесть... – сказал Алексей.

Музыка продолжала играть в темноте, сквозь открытые стекла тянуло прохладным ночным воздухом позднего лета. Непонятно, каким образом это получилось, но через некоторое время правая рука Алексея начала исследовать Катину плечо, левая отводила волосы от лица, губы целовали горящие Катины щеки, прохладный нос и подбородок. Такое с юной покорительницей Москвы происходило впервые. А внизу, в двадцати сантиметрах ниже талии начи-

нался неведомый и странный процесс – там становилось тепло и жутко непривычно и настойчиво требовало от Кати прижаться всем телом к мужчине.

– Давай? – вопросительно заглянул ей в лицо Алексей. Его руки были сухими и горячими, и от него очень приятно пахло вином, одеколоном и мятной жвачкой. Катя не поняла, о чем он говорит.

Алексей вонзился в губы страстным поцелуем. Катя непроизвольно закрыла глаза и замерла. Словно горячие волны скатывались вниз по ее телу – одна, вторая, третья. И это ощущение тоже было для нее совершенно новым. Традиционное воспитание и сломанный телевизор (только программа «Вести») привели к тому, что мысль о сексе вне брака показалась бы ей кощунственной. Но целоваться не возбранялось, хотя в Краснотрубинске Кате так и не представился случай попробовать.

Она с таким восторгом отдалась поцелую – Боже, как это приятно! – так естественно и горячо поддержала Алексея в этом деле, что он принял ее непосредственную реакцию за ответное «да». В тот же момент его руки из ласковых и осторожных превратились в настойчивые и повелительные, он тут же попытался сместить подол платья к талии и проникнуть в колготки! Демарш вызвал у девушки гневный и удивленный возглас, но бодрый юноша расценил сопротивление как игру опытной в любовных делах кокетки. Слабая пощечина (неудобно бить, когда зажаты руки) распалила Алексея. Платье не треснуло только потому, что являло собой плотную буклированную резинку из синтетических волокон. Колготки не были такими стойкими и предательски лопнули. Когда резвый владелец «Вольво» попытался раздвинуть границы декольте, Катя отбросила в сторону свойственную ей застенчивость и стала драться по-настоящему. Но и Алексей был раздражен тем, что сопротивление, которое по всем правилам любовного искусства уже должно было плавно перейти в томную капитуляцию, не затихает.

Он уже понял, что попутчица действительно не намерена разделить с ним запретный плод, похрумкать сладким яблоком прелюбодеяния, окончательно разозлился (зачем завлекала?) и стал выкручивать девушке руки в лучших традициях фашистских палачей.

Печальная, щемящая мелодия из динамиков смолкла, борьба продолжалась в тишине.

Кате было больно и обидно. Она заплакала. Интеллигентный юноша уже ударил ее по лицу два раза, и она чувствовала привкус крови во рту. Одной рукой он сжимал ее тонкие запястья, другой упорно пытался удалить остатки колготок. И вот в последний момент, когда мышцы стали отвратительно безвольными, когда у Кати уже не осталось сил бороться, перед глазами возник черный кружевной комплект Яны. И Катерина вспомнила, что сегодня утром она поддалась рекомендациям Татьяны Васильевны и надела не изящное мини-белье из трех полосок, а широкие женские трусы до талии – такие знойные панталоны в идиотский розовый цветочек. Ее охватил ужас, что ее тайная неэлегантность сейчас будет раскрыта, она дернулась, извернулась и впиалась зубами в руку Алексея.

Молодой человек неинтересно взвыл, заматерился, разжал ладони. И этих двух секунд Кате хватило, чтобы вывалиться из машины, преодолеть двести метров пустыря, взлететь на четвертый этаж хрущевки и уткнуться мокрым лицом в большую теплую грудь удивленной Татьяны Васильевны.

Денис Сергеевич Мирославский любил встречаться с народом. Ему нравилось собирать вокруг себя огромную толпу, демократично отстранять верзилу телохранителя и пожимать протянутые руки, отпускать шутки и тут же становиться серьезным и державно-озабоченным.

Их было много, а он один. Они были в основной массе жалкими, замученными неустроенностью, убогим бытом, плохой пищей людьми, и их униженность каждый раз наполняла Дениса Сергеевича жгучей благодарностью судьбе и своим пробивным качествам. Он здесь, по эту сторону черты, и каждая клеточка его большого, ладно функционирующего организма заботливо напитана свежими фруктами и овощами, ухожена фирменными укрепляющими

препаратами знаменитых фармацевтических компаний, провентилирована морским воздухом средиземноморских курортов. А они – там, за квадратными спинами его телохранителей, взирают на своего лидера с жадным интересом, недоверчиво слушают, иногда пытаются возражать. Смешные. На все вопросы у Дениса Сергеевича готов быстрый, четкий, в меру ироничный ответ.

Замминистра Денис Сергеевич, обаятельный, телегеничный, пятидесятилетний, стоял у окна в своем кабинете и, придерживая двумя пальцами французскую тюлевую занавесь, изучал через стекло желтые листья деревьев. Август почти кончился.

Вчера он проводил в Америку младшую дочь. И хотя он понимал, что для образования, карьеры и вообще для жизни это, несомненно, правильно – отправлять детей в Америку, но родительское сердце сжималось в тоске. Как она устроится там? Конечно, жена будет навещать ненаглядное сокровище, и сама Лена будет периодически возвращаться в Россию, и Андрей, старший сын, будет ее там опекать, но все же девчонке семнадцать лет, и, несмотря на врожденные мирославские практицизм и расчетливость (перерыла груду справочников и нашла, какой именно американский университет наиболее котируется по ее специальности), неизвестно, что может случиться. И Лена наверняка тоже решит остаться в Штатах, как решил семь лет тому назад Андрей. Ну и правильно.

На столе нежно звякнул интерфон, и донесся спокойный голос помощника:

– Денис Сергеич, как насчет посольского приема сегодня вечером? Не передумали?

Денису Сергеевичу нравилось, когда подчиненные вот так запросто, непринужденно общались с ним, не переходя, конечно, к фамильярности. Помощнику всегда очень хорошо удавалось балансировать на этой трудноразличимой границе.

– Нет, не передумал.

Приглашали с женой, но она сегодня примеряет новые платья в салоне. Кто же для нее шьет?.. Не важно. В общем, примерка – это событие потрясающей важности, с ним не сравнится ни посольский прием, ни запуск космического корабля, поэтому Денис Сергеевич пойдет один.

Катя убирала наверху в спальнях, когда через окно увидела подъехавшую машину: водитель Саша привез Яну из школы. Катя осторожно потрогала языком разбитую губу. Оксана, вернувшаяся из Испании, очень удивилась: «Что за военные действия тут происходили во время нашего отсутствия?» – «Да так», – кисло ответила Катерина.

Сейчас она мучилась вопросом, рассказать ли Яне о вопиющем поведении Алексея. Ведь он может также воспользоваться и доверием шестнадцатилетней девочки! Пусть Яна впредь остерегается его!

Внизу слышались шум открываемой двери и голоса: Яна что-то напевала, Оксана давала поручения водителю. Зазвонил телефон. Отвечать на телефонные звонки и приглашать к аппарату обитателей квартиры было обязанностью Катерины, и она тут же попыталась ее исполнить. Но оказалось, что на первом этаже трубку параллельного телефона схватила Яна.

Раздался голос Алексея. Сердце Кати заколотилось.

– Привет.

– Привет, Леша. Как успехи? – Тебе придется вернуть мне двести долларов, – сухо уведомил Алексей.

Яна немного помолчала.

– Почему?

– Потому.

– Что, ничего не получилось?

– Это слишком мягко сказано. Она прокусила мне руку насквозь! Дикая, неуправляемая мерзавка! Захвати деньги, я завтра подъеду к школе.

– С какой это стати? – возмутилась Яна. – Я отработала свою часть концерта, усадила красавицу к тебе в машину, что же, я еще должна была бежать за автомобилем и давать ей указания быть с тобой по приветливее?

– Не пори чушь. Я дал тебе двести долларов, чтобы ты предоставила ее в мое распоряжение, а она прокусила мне руку!

– Послушай, она горничная, а не рабыня. Я сделала все, что могла. Я честно убедила ее сесть к тебе в автомобиль, намекнула, какие перспективы открываются, если она будет достаточно отзывчива. Ну а если ты так неубедителен, что не смог уговорить наивную девственницу, я не виновата.

– Девственницу? Не смейся! Она целуется со страстностью сорокапятилетней вдовы. А в сексе наверняка тебя обставит, моя милая.

– Кретин. Денег не получишь. – Яна бросила трубку.

Катя стояла замерев. Дура, какая дура! «Надо сказать Яночке, чтобы остерегалась Алексея...». Позаботился мышонок о хозяйской кошке! Идиотка. Яна просто сдала ее в почасовую аренду этому сексуальному маньяку.

Униженная, разгневанная, несчастная Катя отправилась в комнату Оксаны за немедленным расчетом. Август почти уже кончился, значит, за него причитается пятьдесят долларов. Конечно, грустно расставаться с Оксаной, но пребывание в доме, где ее так оскорбили, было просто невыносимым.

Оксана примеряла новый наряд: сегодня вечером ей предстояло блеснуть в английском посольстве, куда она шла вместе с Олегом. Она была непривычно оживлена – три дня в Испании дали ей надежду, что, несмотря на будничную сдержанность и холодность мужа, его чувства к ней не изменились.

Катино выступление было образцом лаконичности. Всю свою горечь и ненависть она уместила в одно предложение:

– Оксана, меня оскорбила Яна, я не могу больше у вас работать.

Оксана живо крутанулась вокруг своей оси – от зеркала к Катерине, и на ее лице в одно мгновение сменилась целая гамма чувств: внимание, изумление, растерянность, надежда.

– О! Катюша!

– Да, я твердо решила, что больше не могу приходить в ваш дом.

Оксана сникла и потеряла интерес к жизни.

– Должно быть, вредная девчонка сильно тебя обидела?

– Я даже говорить на эту тему не хочу.

– Катюша, а как же я? Ты забыла про меня! Оксана села на кровать и обиженно надулась.

Катя нерешительно пристроилась рядом.

– Я предпочла бы, чтобы ты была дочерью Олега, а не Яна. Она и мне доставляет массу неприятных минут.

Катя молчала.

– Ну, я ей устрою «Бурю в пустыне»!

Оксана вскочила с кровати и исчезла из комнаты.

Через секунду на первом этаже раздались разъяренные вопли, визг, завывания. К удивлению Кати, в спальню залетела растрепанная Яна.

– Почему ты вдруг решила от нас уйти? Чего ты наговорила Оксане? Она сказала, что убьет меня, если ты уйдешь от нас! А что это у тебя с губой?

– Ты прекрасно знаешь, что произошло, – сухо ответила Катерина.

Яна подозрительно уставилась на идеологическую противницу. – Я виновата в каких-то твоих проблемах?

– Ты виновата в том, что меня чуть не изнасиловал твой друг Алексей.

Яна ошолбенела.

– Ах ты, тварь! – завопила она. – Да я тут ни при чем! Ты весь вечер с ним заигрывала, вертелась перед ним, юбку задирала, напросилась прокатиться на машине, а я же и виновата!

– Я слышала ваш телефонный разговор.

Яна осеклась. Потом она, очевидно, вспомнила, что за дверью спальни ее ждет Оксана с топором и твердым намерением убить, если Катя не изменит своего решения. Выражение на Янином лице резко изменилось, в глазах появились слезы, а накрашенные яркой помадой губы задрожали.

– Катя, я ни в чем не виновата. Послушай. Он сам ко мне привязался, что ты ему очень нравишься, а я совсем не хотела, чтобы ты уезжала в этот вечер, я думала, мы с тобой полежим, посплетничаем в кровати, вот, но он прицепился, как некормленная пиявка. А еще я, в конце концов, решила остаться с другим мальчиком, Пашей, помнишь? Ну и подумала: неплохо, если он действительно прокатит тебя с ветерком. А он зачем-то оставил двести долларов на столе. А я взяла их и тут же истратила, и получилось, будто бы он мне заплатил. Но это не так. Я не ожидала, что он так коварно воспользуется твоей доверчивостью и невинностью. Но ведь все обошлось? Правда, Катенька? Нет, я давно замечала, что у него отклонения в психике. Как увидит красивые ножки – тут же сходит с ума. Катюша, ну прости меня, я, конечно, виновата, но только в своей неосмотрительности. Но не в коварстве, как ты меня хочешь упрекнуть.

Все это было несомненной ложью, но Катя уже думала о том, что ей придется снова искать работу, и это будет нелегко. При всех положительных качествах ее натура проявляла удивительную гибкость, и она, подумав, могла согласиться на то, что пять минут назад с возмущением отвергала. Кроме того, к восемнадцати годам у нее не сложилось ни устойчивых принципов, ни собственного мнения по важным жизненным вопросам. Например, если до вчерашнего вечера она считала, что секс вне брака невозможен, то сегодня уже полдня посвятила размышлениям о неизведанной сладости мужских объятий и поцелуев. Ее едва не изнасиловали, но до определенного момента прелюдия была чудесна, и это сбивало ее с толку.

Яна, увидев, что противница начала колебаться, выдала новое предложение:

– Катеринка, я придумала! Зачем тебе тратить по четыре часа в день на дорогу? Переезжай к нам! Оксана! Иди скорее сюда! Послушай, что я придумала!

– Нет, я не согласна! – пыталась возражать Катя, но уже без необходимой энергии.

Идея перебазировать Катерину вызвала у Оксаны буйную радость. Как она сама раньше об этом не подумала? Решено! Сейчас же, немедленно Катерина поедет с водителем Сашей к Татьяне Васильевне и перевезет свои вещи.

В финальной сцене Яна обняла Катю за шею, поцеловала в щеку и, с надеждой заглядывая в глаза, попросила:

– Ты только, Катюшка, папе ничего не рассказывай про гнусное поведение дочурки, о'кей? Я знаю, что я мерзкая, гадкая девчонка, прости меня, пожалуйста, Кэт, но только пусть папа про этот инцидент ничего не узнает. Ой, слушай, что я вспомнила! У меня кожаный свингер, видела, такой красивый, ярко-синего цвета с отливом, папулька из Англии привез. Он мне стал тесен, я уже давно хотела тебе его отдать, только все забывала. А то ты ходишь в своей непонятной куртке. Идем, посмотришь!

Так намерение Кати покинуть дом Бергов привело к обратному результату – она переселилась в двухэтажную квартиру бизнесмена. Отныне она не верила в искренность ни одного Яниного слова, и для Катерины это стало грустным, но полезным жизненным открытием: кто-то может беспардонно врать, честно уставившись прямо в твои глаза.

Оксана стояла с фужером шампанского в одной руке, а другой придерживала микроскопическую сумочку. На ней было длинное, экстравагантное платье с разрезами и очень искренним декольте, она не сомневалась, что в этом зале посольского здания она самая интересная и привлекательная женщина, но сознание собственной безупречности было подпорчено гнус-

ным поведением мужа. В который раз, придя с нею на банкет, он обронил: «Так, моя девочка, тут несколько человек, с которыми я обязательно должен переговорить, развлекайся самостоятельно» – и бесследно растворился в толпе.

Но не успела возникнуть тоскливая мысль: «Нет, не любит», как появился Он. Большой, вальяжный, уверенный, рассекая надвое великосветскую толпу и кивая направо и налево, он направлялся прямо к Оксане. Достигнув цели, он вздохнул, словно путь был опасен и нелегок, и обратился к Оксане как к старой знакомой:

– Ну вот и я.

Оксана рассмеялась. Лицо мужчины было невыносимо знакомым, но она никак не могла вспомнить, кто же он такой.

– Денис Сергеевич Мирославский, – остановил он ее напряженные размышления. Отрекомендовался и даже, кажется, пристукнул каблуками элегантных сверкающих ботинок. – Увидел самую красивую женщину – и сразу же к вам. Боялся, пока добегу, кто-нибудь опередит меня и похитит вас.

– Мой деловой муж предоставляет мне полную свободу действий, – гордо пожаловалась Оксана.

– Неосмотрительно. Такая женщина никогда не останется в одиночестве. Позвольте?

Придерживая Оксану под локоть, Денис Сергеевич отправился с нею в продолжительное путешествие по залу, останавливаясь у каждой группы и перекидываясь парой фраз со знакомыми. Вечер, который чуть было не пропал из-за деловых качеств коварного Олега Кирилловича, оказался чудесным благодаря обаянию и галантности Дениса Сергеевича. Замена одного мужчины другим часто может оказаться чрезвычайно продуктивной.

Возвращаясь в автомобиле домой, Оксана крепко сжимала руку мужа, но мысли ее кружились вокруг Дениса Мирославского. От этих мыслей ей было горячо и приятно, она улыбалась. Олег Кириллович, по обычаю, сосредоточенно смотрел в окно, обдумывая новый проект. План по общению с супругой он выполнил на год вперед, свозив ее в Испанию, и теперь мог снова не обращать на нее внимания.

Кате не надо было теперь ездить на автобусе. В автобусе жутко пинались – не люди, а кентавры. К тому же с наступлением осенних холодов попутчики стали надрываться от почти туберкулезного кашля. Зажатая в позе сломанного торшера Катя отворачивала лицо от одного пассажира и попадала в зону действия другого – не менее сопливого и мерзкого. Теперь с этим было покончено. Татьяна Васильевна расценила переезд племянницы как ее повышение по служебной лестнице. Значит, девочке доверяют. Она и не сомневалась, что племянница ее не подведет.

Поселившись в доме Бергов, Катя наконец-то познакомилась с главой семьи Олегом Кирилловичем. Предыдущие два месяца он проявлял неуловимость профессионального партизана, ушедшего партизанить в лес и узнавшего об окончании войны через десять лет после ее завершения. Он ни разу не попал в тот отрезок времени, когда приезжала Катя, и вошел в ее мысли в образе гиганта, о котором все говорят, чьей любви все добиваются, но которого очень трудно увидеть своими глазами.

...Олег Кириллович открыл дверь квартиры. Вообще-то он не приезжал домой в обед, но сегодня ему понадобилось заехать за бумагами. Со второго этажа неслись звуки музыки. Разбегались стремительные арпеджио бетховенской сонаты, все выше и выше к третьей октаве, левая рука отстукивала ритмичное стаккато, и пассаж завершался мощным развернутым аккордом.

– Это кто же такой виртуоз? – улыбаясь спросил Олег, входя в комнату.

Катя испуганно вскочила, задела ноты, они упали на клавиатуру, рояль издал раздраженный рык. Олег Кириллович рассмеялся.

– Я уже все сделала, и порядок навела, и обед приготовила... – начала оправдываться Катерина.

Олег Кириллович с удовольствием отметил синие глаза, пушистые тяжелые волосы и стройную фигуру.

А Яна, помнится, говорила, что новая домработница – пухлая толстушка?

– Значит, ты та самая Катерина. – Олег Кириллович сел к роялю. – Показываю.

Без нот, он по памяти сыграл Presto agitato, заключительную часть «Лунной» сонаты, которую до этого уверенно терзала Катюша. У него это получилось в два раза быстрее, он, в отличие от Кати, обладал удивительной способностью брать только ноты, указанные композитором, а не прихватывать пару-тройку соседних. Стремительная, напряженная, трагическая музыка отгремела могучим форте, Олег Кириллович на секунду завис над клавиатурой, будто бы не в силах прервать очарование затихающих звуков, потом убрал руки и взглянул на Катю.

Она настолько обалдела от восхищения, что забыла про свою застенчивость.

– Вот это да! – промолвила Катя в искреннем восторге. – Ну вы играете! Ой, тут есть рэгтаймы, давайте в четыре руки! Мечтаю!

От такой непосредственности Олег Кириллович чуть не расхохотался. И они сыграли три рэгтайма, – Катя взяла партию полегче, – усевшись рядом, соприкасаясь плечами и улыбаясь.

– Здорово! Как мне понравилось! – воскликнула Катерина.

Таким образом занятой бизнесмен оказался на добрых сорок минут втянут в домашнее музицирование.

Олег Кириллович с видом любителя анатомии взял в руку маленькую Катину лапку, слегка покрасневшую от воды и стиральных порошков.

– Почему у тебя руки такие холодные?

– Когда я играю, рояль забирает мое тепло.

– Почему же он не забирает моего тепла?

– Вы большой.

– Логично. А почему они у тебя такие красные? Постоянно возишься в воде? Надо надевать резиновые перчатки. Разве у нас их нет?

– Не знаю, – растерянно ответила Катя, осторожно вытаскивая пальцы из теплой, уютной и сильной ладони Олега Кирилловича. – А вы будете обедать?

Олег Кириллович не любил есть. Процесс поглощения еды в принципе доставлял ему удовольствие, но отнимал, на его взгляд, слишком много времени. Двадцать—тридцать минут, которые уходили на пережевывание пищи, можно было использовать более рационально. Например, договориться о нужной встрече, или изучить документы, или сделать важный звонок. Но если он потратил столько времени на музыкальные забавы с домработницей, то почему бы не пообедать?

– О'кей, но при условии, что ты составишь мне компанию.

– Я?! Но... но я на диете!

Катя представила, что сейчас она запросто сядет за стол со своим шефом и начнет трудиться над окорочком с чесночным соусом, и в это время вернется из школы Яна или из магазина Оксана, и как это будет выглядеть!

Но Олег Кириллович был неумолим.

– Во-первых, тебе не надо сидеть на диете. Кого и нужно посадить на голодный пашк, так это мою дочь. Во-вторых, я не ем в одиночестве, но ты ведь не хочешь, чтобы я умер от истощения? Кто тогда будет платить тебе зарплату? Идем, я помогу тебе перенести вилки из кухни в столовую...

Олег Кириллович Берг считал, что, как у каждого прибора есть определенный срок действия, так и любовь к женщине запрограммирована на определенный период (независимо от силы чувства). С первой женой он прожил десять лет, с Оксаной – уже пять. И та и другая

доставили ему много приятных, сильных моментов. Любовь к первой жене имела срок действия в два раза более продолжительный, чем его любовь к Оксане. Кому-то везет – им выпадает долгоиграющая любовь. Другие должны всю жизнь искать нового партнера, который будет соответствовать изменившимся с возрастом взглядам и представлениям об идеальном спутнике жизни. Сейчас Олег Кириллович чувствовал, что любовь к Оксане исчерпала себя.

Неуверенной рукой Оксана вела автомобиль. Она слишком резко меняла ряды, слишком поздно включала сигнал поворота, слишком медленно трогалась с места. Но она не могла сегодня воспользоваться услугами Саши, их водителя-виртуоза, потому что ехала на встречу с Денисом Сергеевичем.

Сегодня утром он позвонил, и совершенно неожиданно она дала ему этот адрес. Однокомнатная квартира в районе новостроек, которую подарил ей Олег, когда она еще не была его женой, но уже была любима. Представляя, как замминистра будет взбираться на восьмой этаж шестнадцатиэтажки в грязном лифте, разукрашенном непристойными граффити, Оксана снова и снова испытывала удивление. Удивлялась она также и себе. Всего несколько дней прошло после Испании, где она вроде бы убедилась, что Олег не собирается расставаться с нею, и вот она испытывает трепет, думая о встрече с Денисом Мирославским. Когда раздался его звонок, радость и волнение были настолько велики, что не оставили места для приличествующей случаю паузы: так сразу? я, право, не знаю – и доли уместного кокетства. Денис Сергеевич позвонил и предложил встретиться, и Оксана сразу же сказала ему адрес.

Денис Сергеевич сто лет не ездил в лифте обычного многоэтажного дома. Каким образом он оказался вовлеченным в эту головокружительную авантюру? Встретиться с почти незнакомой женщиной в каких-то (на взгляд замминистра) трущобах рабочего квартала! У Дениса Сергеевича было несколько мест, комфортабельных, уютных и романтических, куда можно было пригласить интересную даму, но наверняка они давно уже напичканы электроникой, а за окнами на деревьях висят чертовы папарацци. Хорошо, пусть будет шестнадцатиэтажка.

Даже в лифте Денис Сергеевич не снял солнцезащитных очков (в сентябре так ярко светит солнце), чтобы не быть опознанным какой-нибудь старушкой патриоткой, регулярно просматривающей информационные программы телевидения.

Оксана и не догадывается, что прием в посольстве – не первый случай, когда он ее заметил. Три или четыре банкета назад он почувствовал знакомое волнение. Оно приходило к нему, когда в радиусе двухсот метров появлялась женщина, обещавшая наслаждение и сама не подозревавшая об этом. Да, пусть будет шестнадцатиэтажка. Своего рода приключение. Ради Оксаны – она, несомненно, станет одним из тех немногих сладких призов, которые остались Денису Сергеевичу на заключительном вираже сексуального марафона – он готов отправиться в строительный барак. Только одним своим видом она вызывала в нем приятные и чувствительные реакции.

Дверь открылась. Оксана стояла на пороге – бесконечно милая, взволнованная. Денис Сергеевич нащупал в кармане маленькую коробочку, обтянутую бархатом. Когда все, что должно произойти, уже произойдет и она будет лежать рядом уставшая и растрепанная, а Денис Сергеевич будет нежно целовать чистое, красивое лицо, он преподнесет ей маленький подарок – золотое кольцо с бриллиантом. И возможно, неожиданный сувенир вызовет новый залп эмоций со всеми вытекающими последствиями. Прием отработанный, хотя и не каждому доступный. Но Денис Сергеевич может себе это позволить, – рабочие заводы и шахтеры, с которыми так любит встречаться высокопоставленный чиновник, стимулируют своих женщин к новому рывку, конечно же, менее дорогостоящими способами...

Яна рассматривала в окно пустой, унылый двор. Подруга Света, которой родители подарили на день рождения трехкомнатную квартиру с обстановкой, пригласила ее освидетельствовать апартаменты. Только что отремонтированные комнаты еще имели нежилой вид, пустая

стенка, столы и тумбочки напоминали о демонстрационных отсеках в мебельных магазинах – они пока не носили следов пребывания человека.

– Ну, район, прямо скажем, не очень, – заметила Яна. Она разгуливала по комнатам, выглядывала в окна, проверяла прочность диванов и заглядывала в пустые шкафы.

– Ерунда! – воскликнула Света. – У нас у всех есть машины, доехать нетрудно. Ты отремонтировала свою «восьмерку»? Как славно мы теперь можем проводить время вдали от нудных родителей – ты с Пашей, я с Геной.

– Да, верно.

– Думаю, родители раскошелились на эту хатку после того, как папуся засек нас с Генкой. Представляешь картину?

– Правда, что ли?

– Угу, – хладнокровно подтвердила Света. – Цирк! Мы уже завернулись клубком, Шэрон Стоун и Майкл Дуглас, и тут заваливает в мою келью папуля. Хорошо, что у него с чувством юмора все в порядке, понимает чаянья молодежи. Но видно, посовещались с матушкой и решили меня отселить.

– Счастливая. А мой отец все надеется, что дочурка хранит невинность, как раритетный юбилейный рубль.

– Да ну, – не поверила Света. – Ты его недооцениваешь. Не может быть взрослый мужчина настолько наивен. Ну так что? Встречаемся? Ты с Пашей, я с Геной?

– Паша давно получил отставку. Отправлен в Танзанию в качестве посла.

– Неужели? Он был довольно мил. И кто теперь исполняет почетную роль твоего оруженосца?

– Анатолий.

– У-у... Молодец. Организуем два на два?

– Нет, он еще не настолько раскрепощен...

Внезапно что-то привлекло внимание Яны. Она прилипла к стеклу. Во двор въехала красная «девятка» Оксаны и остановилась у подъезда противоположной многоэтажки.

– Что она тут делает? – пробормотала Яна, наблюдая, как Оксана входит в дом. – Приехала брать урок испанского языка?

– Ну что ты там, Яна, идем выпьем шампанского. Иди открой, у меня всегда стреляет...

Олег Кириллович доверил Кате уборку своего кабинета. Гордая оказанной ей честью Катерина трудилась как молодая, неиспорченная праздностью пчелка. Требовалось вымыть окно, протереть пыль и заставить паркет светиться янтарными бликами. По ходу дела, вспоминая о своем неудачном сольном выступлении в банке «Центр», любознательная домработница освоила копировальный аппарат и изучила внутренности факса (куда вставлять новый рулон бумаги?). В ответственный момент, когда Катерина зависла над прибором, пытаясь приделать обратно снятую крышку, факс требовательно запищал, и из его чрева пополз лист бумаги с иностранным текстом.

«Dear Mr. Berg, – прочитала Катя. – Угу, уважаемый господин Берг... According to our... Ясно, в соответствии с нашей договоренностью во время... дальше что?.. We are please to send you... высылаем вам...» Некоторые слова были непонятны. Катя стала переписывать их на клочок бумаги – нельзя оставлять пробелы в образовании! Юной исследовательнице факсимильной техники почему-то не пришло в голову, что читать письмо, адресованное не ей, непорядочно. Бумага интересовала ее не своим содержанием, а исключительно как возможность попрактиковаться в английском языке.

И в тот самый момент, когда Катюша, пыхтя от усердия, расшифровывала последнюю строчку, в комнату вошел Олег Кириллович. В одно мгновение доброжелательное выражение его лица сменилось на гневное, он стал грозен и сумрачен, как хвойный лес в майскую бурю.

– Екатерина!

Катя резко выпрямилась, выронила ручку и устремилась на Олега Кирилловича растерянный, испуганный взгляд синих глаз. До нее наконец-то дошло, что она читала чужое письмо и ее засекли за этим неблаговидным занятием. Глаза моментально наполнились слезами.

– Я только... английский... потому что учу и... хотела вот... незнакомые слова... просто... извините! Просто он полез, и я машинально стала переводить! Я английский учу! – По окончании скомканного, невразумительного монолога Катерина, сгорая от стыда, устремилась прочь из комнаты, но у самого выхода была придавлена к косяку крепким плечом Олега Кирилловича.

– Нет, так просто ты отсюда не уйдешь! – грозно сказал он. – Может быть, ты шпионка? Сейчас я буду тебя наказывать.

– Только не ногами и не по голове, – жалобно пропищала Катя, барахтаясь и пытаясь выбраться.

– Я не практикую избиение младенцев. Ты умеешь быстро печатать?

– Угу, – прошептала полузадушенная Катя.

– Вон там на краю стола лежит пачка бумаг. Моя секретарша-злоумышленница отправилась в декретный отпуск. Не хихикай, я не виноват в этом природном катаклизме. Но раньше, чем она разрешится от бремени, я буду похоронен под грудой бумаг, которые мне необходимо перепечатать и которые я не могу доверить постороннему человеку. Никто не может оказать мне квалифицированной помощи.

– Я тоже не очень-то...

– Не обманывай, Катерина. Жена рассказывала мне о твоих многочисленных талантах. Но учти: если кроме этих бумаг ты попробуешь сунуть свой очаровательный носик еще в какой-нибудь документ, я откажусь от убеждения, что бить девочек – сексуальное извращение, и надаю тебе по тому месту, которое наиболее часто соприкасается со стулом.

– Я больше...

– Но, Катерина, что-то мне подсказывает, что ты человек, которому можно доверять. Свободна, кругом, шагом марш.

После выступления дуэтом, когда они ловко оттарабанили рэгтаймы на рояле, а потом вместе пообедали, Катя вздрагивала, едва услышав шаги Олега Кирилловича, и нежно розовела при его появлении. Ей казалось, что ее связывают с ним какие-то особые отношения. Теперь, после того как он буквально раздавил ее на дверном косяке своей крепкой, горячей грудью, детально ощутимой под тонкой рубашкой (якобы не давал выйти из комнаты, но ведь на самом деле просто обнимал ее!), можно было не сомневаться, что Олег Кириллович станет постоянным гостем ее снов.

На перепечатку бумаг Катя затратила два дня – по три часа каждый день, вызвав недовольство Оксаны. Той хотелось поделиться со своей маленькой фавориткой впечатлениями о каком-то чудесном приключении, а Катя, не в силах больше смотреть на экран компьютера, начинала трудиться на кухне или в комнатах, утверждая, что смена вида деятельности расценивается ею как отдых. И шуршала до поздней ночи, не обращая внимания на то, что Оксане скучно.

Раз в месяц Оксана с водителем Сашей отправлялась в райские кущи фирменных продуктовых магазинов пополнить запасы соли, спичек и черного хлеба. Сентябрьская поездка была отмечена участием в ней Катерины. Она надела синий кожаный свингер, полученный от Яны в качестве компенсации за моральный ущерб, новые стильные ботинки с высокой шнуровкой и толстым каблуком (купила на свои деньги за счет экономии). Вместе с Оксаной, которая вполне сходила за двадцатидвухлетнюю девушку, они смотрелись как две подружки.

Последнее время Катина хозяйка пребывала в заметно приподнятом состоянии духа. Ее обычная неприкаянность сменилась беспричинной веселостью. Похоже, ее настроение перестало подчиняться графику встреч с Олегом Кирилловичем, и Оксана наконец-то обрела самостоятельность. Но жизнь, в которой появились цель и смысл, требует от некоторых женщин подробных обсуждений с подругами. А так как ни одна Оксанина знакомая не выдержала испытания ее жизненным уровнем, то Катерина из ранга живой игрушки была постепенно переведена в категорию близкого друга, которому поверяют сердечные тайны. Таким образом, история Оксаны стала известна внимательной и не осуждающей домработнице.

Конечно, было откровенной глупостью доверить невинному ребенку подробности адюльтера, но честность и порядочность Катерины были столь очевидны, а желание Оксаны повторно пережить свои ощущения в момент их описания было столь велико, что вскоре Катя превратилась в ходячее хранилище Оксаниных воспоминаний. Более ловкая, сообразительная и нечистоплотная особа давно бы воспользовалась доверчивостью жены бизнесмена, но Катя только слушала, и удивлялась, и сопереживала.

...Создание продовольственного запаса проходило по следующей схеме. Водитель Саша (двадцать три года, умеренно симпатичен на лицо, более симпатично сложен, цвет глаз – карий, волосы темно-русые), настолько же ловкий в управлении «БМВ», насколько немногословный в быту, в черных джинсах и коричневой кожаной куртке, лихо тормозил возле очередного супермаркета. Автомобиль зарывался шинами в асфальт, девчонки оставляли по паре ребер на спинках передних сидений, потом их отбрасывало назад. Они выпрыгивали из авто и устремлялись в нужный отдел. Оксана доставала из кармана двухтысячедолларового плаща длинный список, написанный каллиграфическим почерком, Катя грузила продукты в магазинную тележку. У кассы на свет извлекалась толстая пачка денег, и Саша принимал на грудь увесистые пакеты. Все дружно садились в машину, Александр набрасывался на педаль газа, девочки снова испытывали прелести гравитации.

– Печень трески – четыре баночки, осетр – пять, мидии в соусе – пять, нет, возьми эти, Олег любит, черная икра – две, красную пропускаем, креветки – четыре упаковки, копченый сом – вот этот кусок, нет, нет, Катя, рядом... – И так далее.

Потом – коробка плиточного шоколада, наборы конфет, пластмассовые бутылки с минеральной водой и пепси, банки кофе, пакеты натурального сока, коробки копченого бекона, бутылки кетчупа «Красное золото», маленькие длинные баночки оливок, корзинки фруктов и еще 212 наименований различных полезных в быту и в желудке предметов и деликатесов на общую сумму... сначала Катя пыталась считать, но потом сбилась. Наверное, сумма равнялась двухмесячной задолженности краснотрубинского горно-обогачительного комбината перед своими многочисленными рабочими. Оксана не утруждала себя подсчетом дензнаков, она только доставала пачки купюр и полагалась на честность кассира. В заключение шоп-тура добрая Ксюша купила Катерине резиновые перчатки для сантехнических работ и пару высоких осенних сапог из натуральной кожи, которые прекрасно облегали стройную Катину ногу и должны были хорошо смотреться с Яниным свингером. Катя ликовала.

«Когда-нибудь, когда-нибудь, когда-нибудь и я буду вот так же путешествовать по магазинам с толстой пачкой денег», – мечтала Катя, пристраивая в два трехкамерных холодильника итоги сегодняшней прогулки. Вчера она ходила на вокзал к краснотрубинскому поезду и передала со знакомой проводницей своим родителям письмо и пятидесятидолларовую купюру. В письме Катя подробно описывала положительные качества своих работодателей, зловоредный нрав их дочери и европейский размах московских цен.

Катя сидела за столом и вслух читала английский текст про лондонский пожар, рядом стоял включенный диктофон, когда в комнату вошла Оксана.

– Посмотри! Ну как?

Оксана, сияя улыбкой, сверкая бриллиантовым колье от Картье, демонстрировала шикарный наряд и хотела знать мнение Катерины. Катя, чьи взгляды на одежду значительно изменились (она узнала, что, кроме изысканных произведений турецких и китайских умельцев, в природе еще существует и скромный опыт парижских, миланских и лондонских мастеров), теперь высказывала довольно здравые суждения о совместимости аксессуаров и предметов туалета. Она с ужасом вспоминала одеяние, в котором ступила на московский вокзальный перрон где-то пять месяцев назад.

– Ты великолепна, как корзина из пятисот четырнадцати алых роз! – подтвердила Катя Оксанину догадку. Девочки уже были на «ты». Платье струилось, играло, обволакивало идеальную фигуру и стоило не меньше тысячи долларов.

– И угадай, кто мне это подарил?

– Тон, которым ты спрашиваешь, подсказывает, что не Олег Кириллович.

– Угу. И вот еще колечко. – Оксана протянула руку и помахала кистью. На пальце сияло золотое кольцо с бриллиантом. Подарки – питательная среда для женского самолюбия. Оксана и сама могла купить себе и платье, и кольцо, но преподнесенные в подарок мужчиной, они приобретали в сто раз большую ценность, так как говорили о том, что она любима. – Катюша, да убери ты свой английский, наконец, совсем не обращаешь на меня внимания! – воскликнула Оксана, пытаясь вытащить учебник из-под локтей упорной ученицы. Катя улеглась на книгу грудью и не отдавала. – Да сколько же можно зубрить!

– Мне надо знать английский, потому что я не всю жизнь буду работать прислугой, – разумно возразила Катерина, испытывая некоторое раздражение.

– Ты и сейчас уже можешь не работать. Ты на семь лет вперед начистила квартиру, обеды можно не готовить – Янка все равно питается где-то на стороне со своими друзьями, и мы с тобой тоже будем ходить в ресторан. Олег приходит поздно, на ночь есть вредно.

– И в качестве кого я тут буду жить? И потом, если два дня не убирать, придется ходить в противогазе – столько пыли, мы не в Финляндии живем, в Москве, и у Яны привычка все разбрасывать по комнатам.

Совсем недавно Катя обнаружила в ее спальне начатую пачку сигарет. Яна и не пыталась отрицать, что курит, но, как обычно, стала упрашивать Катю не говорить Олегу Кирилловичу. Катя сказала, что и не собирается. Яна тут же приволокла едва вскрытый набор дорогой косметики. Катя возмутилась. «Но свингер же ты взяла, – возразила Яна. – Бери, у меня все равно в двух экземплярах. Для любимой домработницы ничего не жалко». Катя нерешительно взяла в руки тяжелую перламутровую коробку. «Бери, бери, не отказывайся, я от всего сердца», – подтолкнула ее лживая Яна. Катя не смогла побороть искушения.

– Ладно-ладно, хорошо, убедила, продолжай полировать паркет и так далее, я молчу, не вмешиваюсь. Только два слова. Знаешь, в последнее время моя жизнь – смесь угрызений совести и счастья. А может быть, счастье всегда сопровождается угрызениями совести?..

«Не удастся, – подумала Катя, недовольно захлопывая учебник. – Придется отложить». Она пересела на диван, Оксана тут же уютно пристроилась рядом.

– Олег для меня – близкий, родной человек. А Денис дарит новые ощущения. Временами мне кажется, что пять лет – слишком большой срок для любви. Наверное, Олег уже разлюбил меня, как тебе со стороны? Может, если бы он был более внимателен ко мне, то и Денису не нашлось бы места в моей жизни?

– Ну... – Катерина так же мало подходила на роль эксперта человеческих отношений, как повар из корейского ресторана для выступления на всемирном съезде язвенников. – Олег Кириллович постоянно работает. Такой трудолюбивый. Устает, наверное, очень.

– Конечно, устает. Но Денису еще труднее найти время для встреч со мной...

– Я видела его вчера по телевизору. Он такой обаятельный, улыбка широкая, белозубая, как у Клаудии Шиффер. Неужели ты хочешь развестись с Олегом Кирилловичем?

Конечно же, наивная Катя сделала совершенно неправильный вывод.

– Нет! Что ты? Пять лет просто так не перечеркнешь, они были в моей жизни, и было столько замечательных эпизодов. Обоих сейчас люблю. Одного – за то, что было. Другого – за то, что еще будет. Не могу разобраться. Но ведь надо жить «здесь и сейчас», а сейчас я счастлива.

– Олег Кириллович так мне нравится! – призналась Катя. – Он остроумный, веселый и здорово играет на рояле.

Оксана задумчиво взглянула на Катерину:

– Это он с тобой веселый – ты маленькая, пушистая и смешная. У него масса достоинств, но наши траектории движения пересекаются только в спальне, где он тут же поворачивается на бок и засыпает богатырским сном. Прохладный поцелуй, и все. Если бы он хоть немного был теплее ко мне – разве я ответила бы Мирославскому? А может быть, это судьба – нам суждено было встретиться с Денисом, и мы встретились. Так хорошо нам вдвоем...

Сравнительный анализ поведения двух мужчин в последнее время широко практиковался в квартире Бергов. Оксана использовала эти беседы, чтобы оправдаться в собственных глазах, объясняя свою измену равнодушием мужа. Катя, существо подневольное, не могла отказать влюбленной патрицианке в участливом внимании и должна была играть роль вдумчивой собеседницы.

Верность мужу, по мнению Катерины, являлась основополагающим принципом брака (как и любая незамужняя девица ее возраста, Катюша давно спроектировала в розовых грезах свою будущую жизнь с принцем). Но зная изменчивость Катиных убеждений, можно было предположить, что и она окажется в положении Оксаны через некоторое время после свадьбы. Ведь Олег Кириллович действительно злостно пренебрегал женой. А Оксана в эти дни и недели – веселая, счастливая, окрыленная – так сильно отличалась от унылой, скучающей женщины, принимавшей Катю на работу, что невозможно было укорить ее. Ну и потом, и Олег Кириллович, видимо, довольно комфортабельно чувствует себя в обрамлении аккуратных рожек, которые усердно наставляет ему жена под руководством Дениса Сергеевича Мирославского. И если всем хорошо – зачем переживать?

Вадим успел сделать еще несколько снимков, пока в окне не задернули шторы. Дорогая японская техника позволяла ему ощущать себя участником события, происходившего на восьмом этаже в доме напротив. Через видоискатель камеры он различал малейшую эмоцию на лице женщины и высокомерный изгиб бровей немолодого мужчины. Мужчину он не тронет – не его уровень, слишком опасно, но женщина, красивая, молодая, изящная, уже была отмечена печатью жертвы. Вадим знал, что она – жена крупного бизнесмена, и три тысячи долларов, которые он потребует за фотографии, для нее не деньги. Десять процентов – информатору, тридцать – на развитие производства, остальное – на жизнь. Женщина подняла бокал с шампанским (когда открывали бутылку, Вадим отметил, как нетехнично это было сделано, сказывалось, очевидно, отсутствие практики у ее визави), на пальце сверкнул драгоценный камень. Мощный объектив улавливал и нежный румянец, разлившийся по идеально гладкой щеке после глотка игристого вина, и родинку на шее. Вадим уже в пятый раз наблюдал подобную встречу, и его подопечные стали ему почти родными. Он представлял изумление и страх на ее лице, когда она возьмет в руки фотографии. Конечно, ничего предосудительного – встреча за праздничным столом двух хороших знакомых... Но что будут делать мужчина и женщина в однокомнатной квартире после того, как предусмотрительно задернуты шторы (Вадим снял и сам момент задергивания)?

Они пробирались в свою конспиративную квартиру маскируясь, чуть ли не по-пластунски бороздили опавшую листву на площадке двора, трепеща от возможности случайно встретить знакомых. Он приезжал на такси, она на красной «девятке» и, выходя из автомобиля,

быстро, воровато оглядывалась. Интересно, как она поведет машину после выпитого шампанского? Интересно, у кого она возьмет три тысячи – у мужа или у любовника? Или у нее свои средства, что маловероятно.

Вадим начал свою шпионскую практику три года назад. Друг попросил последить за женой: ее поведение внушало мнительному юноше опасения. Опасения имели под собой настолько прочную, окаменелую почву, что ее не смогли раздробить горячие слезы разоблаченной жены. В отличие от нынешних клиентов, его первая парочка не торопилась задерживать портьеры, отправляясь на сбор богатого урожая сексуальных развлечений.

Далее последовал заказ от сказочно щедрого ближневосточного гостя, собиравшегося вывезти из столицы невинную студенточку для пополнения гарема. Скромная учащаяся высшего учебного заведения не обманула ожиданий Вадима. Пока знойный араб швырял доллары в европейских магазинах, закупая подарки для будущей русской жемчужины его коллекции, девушка торопливо развлекалась с однокурсниками на дачах. Наверное, предчувствовала, что в гареме с развлечениями будет туго. За ее девственность жених мог не опасаться – дачные виртуозы добивались желаемых результатов, не посягая на драгоценность придиричивого араба. Они знали массу параллельных способов удовлетворения, что бестрепетной рукой запечатлел на фотографиях Вадим. И по сей день его интересовал вопрос: осталась ли в живых та бойкая девица или она была стерта с лица земли разъяренным женихом и Вадим должен считать себя соучастником убийства?

Вадим никогда не связывался с заданиями более крупного масштаба. Измены, интрижки – он считал что, не выходя за пределы очерченного круга, сможет достаточно долго эксплуатировать животный интерес мужчин и женщин друг к другу. Пока этот интерес, эта сумасшедшая страсть или же просто похоть противоречат моральным законам, установленным обществом и библейскими заповедями.

Хорошо было Оксане утверждать, что порядок будет держаться в квартире сам собой. Идеальная чистота в доверенном Кате хозяйстве стоила ей ежедневно такого же количества килокалорий, сколько тратит теннисная звезда в финальном матче Уимблдона.

Сегодня Оксана попросила погладить семь блузок и три юбки. Женщина, которая числилась у Бергов прачкой и обстирывала всю семью, заболела, и на Катю свалился неожиданный сюрприз в виде груды пододеяльников, простынь, рубашек, маек, водолазок. Оксана посочувствовала крошке, своей преданной подруге, хранительнице ее тайн, и оставила ее пыхтеть с утюгом в одной руке и баллоном подкрахмаливателя в другой. Дружба дружбой, а семьдесят долларов Катерина должна была отработать (Олег Кириллович, милый, добрый Олег Кириллович поднял зарплату).

Впрочем, физический труд всегда оставлял место для мыслительной деятельности, голова была свободной или для повторения английских слов, или для размышлений о будущем. Прошло почти полгода, как Катя прибыла в Москву, а она ощущала, насколько изменилась. Сохраняя еще порядочную долю наивности, она уже почти избавилась от иллюзии, что является «прелестью» для всех без исключения. Она уже часто стала замечать, что произносимые слова не всегда соответствуют выражению глаз и могут означать прямо противоположное. Она стала догадываться, что некоторые люди могут делать гадости из спортивного интереса.

Заканчивая работу над пятой блузкой из ярко-синего матового шелка с разводами цвета лепестков календулы (Ферре), Катя думала о том, что теперь, наверное, она сможет выиграть конкурс и получить должность, эксплуатирующую не только ее умение до блеска начищать ванную и готовить заливной язык. Возможно, Олег Кириллович поможет ей найти работу (она блестяще справилась с заданием перепечатать документы и получила за это премию в двадцать долларов), а так как она будет являться его протеже, то начальник не станет навязывать Катерине свое сексуальное покровительство (объяснения девиц в банке «Центр» прочно засели в

Катиной голове, и если их слова были истинны, то количество мест, где она могла бы получить работу, сужалось до минимума: на секс с начальником Катя была категорически не согласна).

Расправляя складки на юбке-тюльпан, Катя решила, что она все-таки пока еще работает у Бергов. Семьдесят долларов в месяц при полном пансионе и неожиданных подарках (типа кожаного свингера, набора французской косметики и осенних сапог) заставляли юную провинциалку дорожить местом домработницы. К тому же ей нравилась Оксана, а Олегу Кирилловичу она всегда хотела попасться под ноги, хотя при этом ее сердце колотилось от страха и волнения. Зловредная девица Яна была так озабочена собственной персоной, что почти перестала подкалывать горничную.

Нагрузившись вешалками с поглаженными рубашками, Катерина отправилась наверх – проинспектировать платяные шкафы. Распахнув дверь в спальню, она приросла к паркету, а глаза ее приобрели форму квадрата. Так остолбеваает исследователь необитаемого острова, внезапно заметивший, что находится в центре внимания невесты откуда появившегося племени каннибалов.

Предыдущие три часа Катя была твердо уверена, что находится в квартире одна. В следующий момент она избавилась от этого заблуждения. На кровати, замерев в акробатической позе, тоже испуганные и удивленные, лежали Яна и водитель Саша. Кроме экспрессивного выражения лиц, их объединяло отсутствие какой бы то ни было одежды. В тот мимолетный отрезок времени, прежде чем за спиной Катерины с грохотом захлопнулась дверь, она в ужасе успела рассмотреть, что Янины атласно-белые ноги направлены к потолку, словно побеги растений, пробивающихся к солнцу, а водитель Саша является обладателем весьма аккуратной, маленькой попки. Пока Катерина рысью мчалась подальше от волнующей композиции, ее лицо и шея приняли оттенок блузки, поглаженной шестой по счету, – пунцовый полиэстер с добавлением лиловой коттоновой нити.

Через некоторое время Яна, слегка прикрывшая наготу расписным шелковым халатом, извлекла смущенную до бессознательного состояния домработницу из стенового шкафа, куда та в ужасе забилась. Яна пыталась изображать уверенность, но тоже была заметно смущена. Началась обработка свидетеля.

– Катрин, какого черта? Я совсем не предполагала, что ты дома! Как это могло произойти?

В шестнадцать лет Яна уже познала многое, в том числе и истину, что нападающий имеет преимущество. Но и Катя научилась противостоять хамским наскокам противной девицы.

– Я вообще-то гладила на кухне всякое барахло, среди прочего и три твои рубашки. А тебя, похоже, инструктировали по части вождения автомобиля?

– Ты почти угадала. И если ты тоже не знала, что мы находимся в квартире, то это как-то оправдывает твоё бесцеремонное вторжение в спальню.

– Извините, что не постучала. Может быть, ты думаешь, что я висела на кухонной лампе, прослушивая потолок с помощью фонендоскопа, а утюг держала левой ногой?

– Почему ты сразу обижаешься? У меня и в мыслях не было заподозрить тебя в подслушивании. Тот телефонный разговор с Алексеем, который каким-то образом стал тебе известен, не в счет. Окажи мне услугу...

– Ничего не говори отцу! – перебила Катя.

– Молодец. Соображаешь. Ты ничего не видела, хорошо?

– Хорошо. А в награду я снова получу какую-нибудь тряпку, из которой ты стремительно выросла? – усмехнулась Катя. Но мысль, что подарка снова не миновать, приятно кольнула ее. Это было унижительно – брать плату за молчание, но как же трудно отказаться!

– Я тоже надеюсь, что Олег Кириллович не окажется в курсе, – поддержал Яну вошедший в комнату Александр. Катя снова залилась краской. – Я тут же вылечу, а место хорошее. Я слышал, ты говорила Оксане, что хочешь научиться водить машину?

Катя снова усмехнулась: деловитость и конкретность, похоже, возглавляли арсенал положительных качеств Александра.

– Я мог бы научить тебя. А потом мы организуем тебе права.

– Давай-давай, – подключилась Яна, – потренируй ее. Обрадовался. Убьешь сразу двух зайцев: и с работы не вылетишь, и с хорошенькой куклой повеселишься. Шофер и домработница! Блеск! Сюжет для сентиментального романа. Только знай, она девственница (Катя снова начала краснеть) и не дай бог схватить ее за коленку, когда она будет выполнять правый поворот – оставишь нас без машины, а себя – без нижней челюсти. Ладно, проваливайте, вы мне оба надоели. Катерина, если отец о чем-нибудь узнает, мне придется отказаться от мысли уехать к маме в Америку, а тебе придется терпеть меня здесь вечно.

Первый же сеанс вождения был назначен на послезавтра, при условии, что автомобиль будет свободен от Оксаниных поручений. А в этот вечер Яна вошла в Катину комнату и со словами: «Взятка. От московской развратницы – краснотрубинской весталке» – бросила на кровать шубу из кусочков норки. Яна уже раскрутила своего доброго отца на два новых манто, а эта подержанная шуба морально устарела.

Таким прибыльным способом Катерина избавлялась от остатков наивности и осваивала элементарные приемы шантажа.

Олег Кириллович откинулся в кресле и разглядывал фотографии жены и дочери. Очередная сделка должна прибавить к его заграничному счету двести тысяч долларов. Сумма, не способная окрылить, но способная придать бодрое расположение духа. Отработанная операция по состыковке интересов двух незнакомых между собой людей, а в результате – гонорар в твердой валюте, очередной долларовый кирпичик благосостояния Олега Кирилловича. А кирпичики постепенно складываются в монументальную прочную стену, не подверженную капризам правительства, домогательствам налоговой полиции и причудам российской экономики.

Но что-то подсказывало Олегу Кирилловичу, что не только деловая операция, в которую он вложил столько энергии и которая близится к удачному завершению, поднимает его настроение.

Каждый раз, когда дома он случайно наткнулся на Катю, такую хорошенькую и непосредственную, а она волоком тащила куда-то пылесос или сгибалась под тяжестью отглаженных пододеяльников, он почему-то радовался, как мальчик, и удивлялся сам себе. Часто Олег Кириллович вспоминал ее маленькие покрасневшие руки, которые он держал в своих ладонях, ее пальцы с коротко подстриженными ногтями и заусенцами, которые она, конечно же, по-детски грызет в минуту задумчивости, и улыбался.

Сотрудники корпорации «Омега-инвест» мысленно отметили изменения к лучшему в характере своего вице-президента. Он стал не так резок с ними и более внимателен к вещам, не касающимся работы. Но эту метаморфозу относили на счет капитального прогресса «Омеги-инвест», нежели на счет сердечных дел Олега Кирилловича. Коллеги знали, что господин Берг воспринимает женщин только в сочетании с пишущей машинкой, компьютером или шваброй. В отрыве от производственных функций женщины Олега Кирилловича не интересовали, а значит, и не могли повлиять на его настроение.

Он снова взглянул на фотографию Яны. Катя выглядит младше его шестнадцатилетней дочери – крупной, толстоватой, всегда ярко накрашенной девицы. Эта красotka наверняка знает уже многое из того, что Катюше пока неизвестно. Девяносто шансов из ста, не пройдет и года, как она испытает на себе все те сексуальные приемы, которые в изобилии демонстрируются в американских фильмах. А Катерина, похоже, обладает невосприимчивостью к грязи и пошлости. За полгода жизни в Москве она все та же наивная, милая девочка, словно окружающий мир не в состоянии проникнуть за тонкую броню ее целомудрия.

Через пару минут Олег Кириллович поймал себя на мысли, что он «одевает» ее. Доказательство чистоты его помыслов, иначе бы Катерина фигурировала в фантазиях вице-президента божественно голая. Олег помнил, какое удовольствие первое время доставляла ему покупка одежды для Оксаны. Он чувствовал себя Пигмалионом, превращая скромную, вечно полуголодную студентку в умопомрачительно роскошную женщину. Черное шифоновое платье с атласным бюстье и длинные шелковые перчатки – она становилась роковой соблазнительницей. Короткое белое платье-чулок с прозрачными рукавами – невинная школьница. Потом, по заведенному канону, были шуба и драгоценности. Ее волосы рассыпались по блестящему меху, и Олег задохнулся от восхищения: да, он нашел в грязной студенческой столовой настоящий бриллиант. Тогда они собирались оптом закупить несколько десятков мелких общепитовских предприятий для иностранного заказчика, решившего наладить сеть закусочных «быстрого питания». И в одной из осматриваемых столовых он увидел Оксану – в кроссовках, джинсах, с подносом в руках, на котором стояли тарелка оранжевого плова и стакан прозрачного, как микстура, чая.

Теперь Олег Кириллович непроизвольно представлял, как будет выглядеть Катюша, как она преобразится и засияет, если он проведет ее по фирменным магазинам центра Москвы. Чудесный ребенок, милое свежее лицо, точеная фигура – в общем, прекрасный исходный материал.

Не в обычае Олега Кирилловича было предаваться непродуктивным мыслям, каждая минута его времени ценилась очень дорого и приносила фирме капитал. Однако он уже добрых полчаса сидел за столом в своем комфортабельном кабинете, покачиваясь в кожаном кресле и размышляя о предмете, далеком от интересов корпорации «Омега-инвест». За окном была не весна, хотя октябрьское солнце все еще мужественно отстаивало свои позиции, и волнение в крови нельзя было оправдать естественной весенней горячкой. Идея завести короткую интрижку с маленькой глупышкой домработницей показалась бы ему кощунственной. Так что же приключилось с серьезным сорокадвухлетним бизнесменом, не подверженным влиянию погоды, не сентиментальным, не охотником за женскими прелестями?

Денис Сергеевич Мирославский раздраженно отбросил в сторону газету. Ох уж эти журналисты: носы как у землеройки, энергия как у буровой установки, уши как у Чебурашки, самомнение как у эстрадной звезды. Прав был булгаковский профессор Персиков, с надеждой спросивший, нельзя ли расстрелять корреспондентов. Стрелять таких, как Максим Колотов, только стрелять. Зачем народу, ведомому руководителями типа Мирославского к праведной цели сокращения инфляции, знать, что Денис Сергеевич отправил в Америку младшую дочь? Что старший его сын Андрей уже давно употребляет полученные в той же Америке твердые знания на благо и Соединенных Штатов, и дружной семьи Мирославских? Зачем народу знать, что Денис Сергеевич имеет две капитальные дачи под Москвой (если точнее, то не две, а четыре, и не дачи, а дворцы в подмосковных лесах. Хорошо еще не пронюхали о недавно приобретенной вилле в Испании, какой бы подняли гвалт!)? Денис Сергеевич честно отрабатывает свой долг перед народом, он вкладывает в страну гораздо больше знаний и энергии, чем какой-нибудь краснотрубинский или тюменский рабочий, который третий месяц сидит в отпуске без содержания, как и остальная орава бездельников, плюет в потолок и ждет, пока государство решит проблему неплатежей. Денис Сергеевич пять лет не был в отпуске – почему об этом никто не пишет?

Еще одна тема не давала покоя раздраженному уму Дениса Сергеевича Мирославского: Оксана. Оксана обворожила его, изумила, завертела в водовороте наслаждений. И стала надоедать. Он рассчитывал на скоротечную, полуделовую связь, когда два человека демонстрируют друг другу, на что способны, а потом расстаются хорошими друзьями, веселые и удовлетворенные. Она, видимо, основательно в него влюбилась. Вцепилась мертвой хваткой в могучее,

холенное тело Дениса Сергеевича и не собирается отпускать. Интрижка начинала тяготить – таинственные встречи в дурацкой однокомнатной квартире на восьмом этаже становились все более и более опасными. С ним уже стала здороваться шайка околоподъездных старушек. Как она воспримет предложение расстаться? Денис Сергеевич не выносил женских истерик.

– Катя, осторожнее! Это не наша машина! – в ужасе кричал Александр.

Катя неслась по автодрому на «БМВ», игнорируя препятствия, повороты и ограждения. Саша покрылся красными нервными пятнами, и имелась тенденция, что к концу занятия они станут спутниками его физиономии на всю оставшуюся жизнь.

Вождение автомобиля оказалось чрезвычайно увлекательным занятием. Катя с восторгом вцепилась в руль, давила на педали и издевалась над коробкой передач. Когда на очередном смертельном вираже Саша попытался вырвать у нее руль, она нечаянно поставила ему синяк на скулу. Но автомобиль упорно ехал не туда, куда хотела Катерина. Он или полз ушибленной гусеницей, или разгонялся до космической скорости. И стоило огромных совместных усилий заставить машину войти в поворот, а не запрыгивать на бетонный забор автодрома.

«Ничего, – думала Катя после первого занятия. – Я справлюсь, я феноменально упорная. Через месяц тренировки буду водить не хуже Саши». Саша лежал на сиденье в полубессознательном состоянии. Кажется, он погорячился, пообещав Катерине научить ее вождению...

– Кофе? Чай? – Маленькая стюардесса-японка склонилась над Максом Шнайдером. Он выбрал зеленый чай.

Заключительный перелет из Токио в Москву, а оттуда снова на «Ане» в Краснотрубинск на инвестиционный конкурс. Сейчас Шнайдер сидел в первом классе «Боинга», где в ручку кресла каждого пассажира был вмонтирован персональный телевизор, а на ужин подавали блюда, достойные венских ресторанов. Разделавшись с краснотрубинским промышленным комплексом, Макс Шнайдер устроит себе великолепные каникулы в Швейцарии – это будет хорошим вознаграждением усердному труженику. Он провернул громадное количество операций, прежде чем удалось с помощью русского посредника выйти на Мирославского и обеспечить его поддержку. Россия – чрезвычайно не приспособленная для нормальной жизни страна, и она надолго останется такой, пока не будет искоренена продажность чиновников, думал Макс Шнайдер. Хотя для него коррумпированность руководителей упрощала схему действий. И в других странах взяточничество процветало, но там было сложнее, так как над чиновником всегда висел дамоклов меч сурового закона. А в России ответственные господа резвились на зеленых лужайках безнаказанности и весело, непринужденно кормились прямо с щедрой руки Макса Шнайдера.

Мирославский захотел получить полмиллиона долларов на свой швейцарский счет, виллу в Испании и красивый живой сувенир. И он получил желаемое. Хотя даже беглое ознакомление с бизнес-планом, представленным на инвестиционный конкурс японской «Юмата хром корпорейшн», позволяло осведомленному человеку без труда обнаружить завуалированное желание японцев настырной пиявкой присосаться к уникальному хромовому руднику и с помощью изощренной техники и фантастического трудолюбия вскоре обесточить его.

Макс Шнайдер ощущал себя гражданином Европы. Но если бы подобную сделку ему предложили проверить в отношении Германии – он безоговорочно отказался бы. За верхним слоем расчетливости и жестокости, когда разговор шел о бизнесе, контрактах, выгоде, в господине Шнайдере всегда скрывалось чувство собственнической любви к фатерлянду. Он даже никогда не бросал за окно автомобиля бумажки от ментоловых пастилок, проезжая по шикарному германскому автобану, тогда как на территории Польши или Югославии делал это не стесняясь.

Русским чиновникам чувство признательности к Родине, видно, было абсолютно незнакомо. Они относились к мамаше-России как к дойной корове. И если телевизионного патриота Мирославского не беспокоила судьба города Краснотрубинска, который усилиями настойчивых японцев через десяток лет превратится в заброшенную деревушку, то почему это должно волновать Макса Шнайдера?

– Оксаночка, что случилось? – Встревоженная Катя ходила вокруг кровати, на которой, обливаясь потоками дымящихся слез, лежала несчастная Оксана.

Оксана издавала звуки, свидетельствующие, что она пребывает в состоянии крайнего отчаяния вперемешку с яростью и растерянностью, но о подробностях можно было только догадываться. Кате пришлось влить в нее два стакана воды с валерьянкой, прежде чем зареванная красавица сумела связно изложить причину своих страданий:

– Представляешь, он мне позвонил... И сказал, что наша связь благополучно завершилась. Связь! А я-то считала, что у нас любовь, а для него это было просто очередной интрижкой. У-у-у... Что мне теперь делать?!

– И ты его теперь ненавидишь, после такого признания? – предположила Катерина.

– Да нет же! Я его люблю еще сильнее! Обожаю! – крикнула Оксана.

– Но ведь он-то не любит!

– Но я люблю! Ну как же ты, Катя, не понимаешь?

Катя действительно не понимала. Любить человека, который использовал тебя как резиновую куклу из секс-шопа (Катюша уже ознакомилась и с такими достопримечательностями столицы) и потом бросил? Возмутительно! Да надо взять в руки гранатомет и разнести все его министерство!

– Нет, ты представляешь, даже не захотел увидеться со мной, сказал все это по телефону! Почему он даже не захотел встретиться?!

– Может быть, он именно этого и опасался?

– Чего?

– Что ты будешь плакать, а потом избавишь его от новой челюсти и остатков волос.

Оксана почему-то перестала плакать и заинтересовалась:

– Почему ты сказала «новой челюсти»?

– Ну, когда его показывают по телевизору, у него настолько ослепительная улыбка, что не могут это быть настоящие зубы. Наверное, вставил себе обе челюсти где-нибудь в Америке.

Оксана устремила напряженный взгляд в потолок, вспоминая.

– Действительно, у него чудесные зубы... Точно...

– Обворожительный оскал. Так, значит, у него нет ни одного собственного зуба?

– В пятьдесят лет очень трудно сохранить улыбку, которой можно было бы сверкать с телеэкрана, если ты не заяц-долгожитель-поклонник-сырой-морковки, – рассудительно заметила Катя.

– В пятьдесят лет? Он сказал мне, что ему сорок два. Я думала... Ему, как и Олегу, сорок два!

– Да нет же, Ксюша, я в какой-то газете читала его биографию. В «Аргументах...»

– Подлец! Он, оказывается, еще и беззубый старикашка! Изображал из себя мужчину в расцвете сил.

– Надо сказать, получалось совсем неплохо.

– Значит, ты успокоилась? – с надеждой спросила Катя.

Оксана остановившимся взглядом смотрела в окно. Глаза постепенно наполнялись новой порцией слез.

– Как же я буду жить без него? – Голос рвался, звучал в ритме морзянки. – Он... Какой же он хороший!

Оксана с размаху врезалась лицом в подушку и завывала с удвоенной силой. Истерические всхлипывания продолжались довольно долго, и только угроза, что может вернуться с работы Олег, заставила Оксану собраться, прекратить рыдания, призвать на помощь косметический арсенал Кристиана Диора и восстановить на лице утраченную было красоту.

– Знаешь, Катя, я поняла: Бог наказывает за отклонение от избранной линии. Ты можешь быть чудовищным злодеем и всю жизнь безнаказанно творить зло – Господь тебя не покарает. Но стоит под влиянием минуты сподобиться на добрый поступок – и тут же злодей получает по мозгам. То же самое и с праведниками. Если ты всю жизнь был честным и правильным, то ты должен до конца жизни нести бремя порядочности. Я была такой же, как и ты, – девочка-цветочек, мамина любимица. Однокурсницы уже успели сделать по восемь аборт, а я до третьего курса не знала, что такое секс. И вот узнала – и в первый же раз залетела. Представляешь себе? С первого раза. Заботливый друг отправил меня на аборт – «куда ты с ребенком, мы ведь не собирались жениться», и теперь у меня никогда не будет детей. Вот так. Те девицы, которые со школы спали направо налево, меняли мужчин два раза в неделю, три раза в год ходили на аборт, продолжали беременеть, а мне стоило один раз отступить от своих нравственных убеждений, согласиться на то, что я считала ужасным и мерзким – убить собственного ребенка, – и вот наказание. И за Мирославского я тоже расплачусь по полному счету, я это чувствую. Единственный раз изменила мужу, почувствовав, что пришла новая, другая, фантастическая любовь, и оказалось, что мною воспользовались как носовым платком. Беги из этого города, Катя, он тебя исковеркает и выжмет, ты лишишься своего милого простодушия, станешь амбициозной и жестокой, а если тебе «повезет» – выйдешь замуж за богатого мужчину и будешь коротать дни в четырех стенах, как я. Знаешь, я подарю тебе несколько костюмов, помнишь, я обещала красный, если ты похудеешь? Теперь он на тебе будет, наверное, болтаться.

Женщины склонны к таким перепадам: от вопросов морали и нравственности к проблемам рационального гардероба. Чтобы развеяться и восстановить силы, Оксане потребовалось нырнуть в свой огромный платяной шкаф и вынырнуть оттуда с ворохом дорогих нарядов, которые она тут же вручила Кате и попросила их примерить. Может быть, после того как Мирославский продемонстрировал ей, как мало в ней нуждается, Оксане необходимо было почувствовать чью-то благодарность и признательность? Но успокоиться до конца ей все же не удалось. Струящееся, невесомое платье, подаренное Мирославским, выскользнуло из шкафа к ней в руки, и Оксана снова начала плакать.

Все с самого начала пошло не так, как предполагал Макс Шнайдер. Полномочный представитель «Юмата хром корпорейшн», он явился на инвестиционный конкурс в приподнятом настроении – единственный удачливый (устроено!) претендент на краснотрубинский комплекс.

В зале присутствовал Максим Колотов. Макс рад был его видеть, хотя и не понимал, какое ему дело до судьбы горно-обогатительного комбината. Оказалось, что Максим, который ранее не афишировал своей профессии, является столичным журналистом, что очень удивило Шнайдера. Это было первым сюрпризом.

Во-вторых, таинственная «Тимманз индастриэл компани» (Шнайдеру удалось лишь выяснить, что она зарегистрирована в Панаме, в оффшорной зоне) имела место быть. Немец втайне лелеял мысль, что эта темная лошадка сошла с дистанции в самом начале предконкурсного отсеивания. Но зря. От фирмы представительство Сара Кронфорд, сексапильная экстравагантная девица лет сорока пяти. Она решительно пересекла зал и заняла место рядом с Максом, обдав его волной головокружительного аромата. Шнайдер предпочитал работать в более стерильной обстановке.

Прелестно вел себя председатель конкурсной комиссии Анатолий Николаевич Битюгин: он словно оказывал иностранцам большую честь, позволяя им купить за дикие миллионы дол-

ларов полуостановленный краснотрубинский комбинат. Битюгин для разминки пособачился с Максимом Колотовым: он намекнул ему, что присутствие прессы нежелательно. Максим, нагло уставившись сквозь очки на галстук функционера, в ответ буркнул, что Битюгин пытается нарушить закон о печати.

Когда вскрыли конверты с бизнес-планами, оказалось, что «Тимманз индастриэл компани» предложила на сорок миллионов долларов меньше «Юматы». Макс Шнайдер повеселел. После этого конкурсная комиссия единогласно проголосовала за предоставление судьбы комплекса в полное распоряжение «Тимманз индастриэл компани». Макс Шнайдер оторопел. Он не поверил своим ушам – такого катастрофического провала в его практике еще не случалось. И ему никто ничего не собирался объяснять!

– Как же так? – обратился Шнайдер к Максиму Колотову. – Вашей стране лишние сорок миллионов долларов?

– Очевидно, соперники подготовились лучше вас, – сочувственно произнес Максим. – И предлагая меньшую сумму государству, предложили большее, чем вы, вознаграждение его преданным служителям.

– Идиотизм, – пробурчал себе под нос Шнайдер. «Юмата хром корпорейшн», конечно же, оплатит его издержки, но время пребывания в России, вся эта суеда, полеты на дурацком «Ане» провалились в черную дыру. Непродуктивность телодвижений всегда чрезвычайно раздражала Шнайдера. А какой удар нанесен по его репутации, по его славе «знатока России»!

– Не хотите прокатиться в Москву на автомобиле? – предложил Максим. – С самолетами, насколько я помню, у вас напряженные взаимоотношения.

– Не с самолетами вообще, а с определенными видами самолетов, – сердито уточнил Шнайдер. Не в привычке бизнесмена было тратить на дорогу сутки, когда можно было уложиться в полтора-два часа, но сейчас он подумал, что спешить некуда. Москва, потом отчет в Токио – встреча с японцами будет не особо приятной. Ему заранее были противны их тщательно скрываемое недовольство и легкое сочувствие к неудаче немецкого бизнесмена. К чему же торопиться?

– Возьмем мангал, кастрюлю с маринованным мясом, по дороге в каком-нибудь живописном местечке – представьте себе осенний лес – сделаем шашлык... – уговаривал Максим, видимо забыв про вегетарианские замашки Шнайдера.

«И верно, – мысленно вторил ему Шнайдер. – А что? Время есть...»

– Хорошо, если я экономлю на авиабилете, то тогда я оплачу половину стоимости бензина.

– Бросьте, – махнул рукой Максим. Немецкая расчетливость столкнулась с русским гостеприимством. – Считайте, я пытаюсь хоть как-то компенсировать моральный ущерб, причиненный нашим государством.

– Эх, елки-палки, – вздохнул Шнайдер. – Ну и ладно. Возможно, американцы сделают из Краснотрубинска конфетку. Понастроят небоскребов, проведут дороги.

Сара Кронфорд гордо прошагала мимо, задев Шнайдера полкой пиджака.

«А она, наверное, полетит самолетом. Ей надо спешить в Америку, сообщить боссам о своем триумфе. Интересно, пользуется ли она в „Ане“ полиэтиленовым пакетом?».

Яна преследовала Катю, настырно требуя погладить ей брюки.

– Сколько можно тебя уговаривать, давай поторапливайся, я опаздываю!

– Сейчас я все брошу и буду заниматься исключительно тобой! – огрызнулась Катерина. К Олегу Кирилловичу сегодня вечером должен был прийти гость, и Катя готовила праздничный ужин. Она терла сыр, чистила гранат, рубила грецкие орехи, поджаривала мясо – то есть у нее совершенно не было времени гладить Янины брюки. – Погладь сама!

– И за что тебе только деньги платят, – возмутилась Яна и пошла за утюгом.

Зазвонил телефон, и когда Катя подняла трубку, мужской голос на чистом английском языке потребовал Олега Кирилловича.

– Его нет, he is absent now, – автоматически ответила Катя и сама себе удивилась. Очевидно, за месяцы постоянной тренировки стандартные диалоги врезались в ее память, и язык работал механически, не требуя участия мозгов.

– Это его секретарь? Я могу оставить сообщение?

– Нет, я домработница.

– Ну дела, – прошипела откуда-то сбоку Яна, – завели прислугу! Вместо того чтобы скромно дымить утюгом, она висит на телефоне и болтает на английском. Дурдом.

Выразив свое удивление, что домработница так уверенно владеет иностранным, мужчина собрался было положить трубку, как в дверях появился Олег Кириллович.

– Wait a minute, минуточку! – закричала Катя. – He is coming! Олег Кириллович, это вас!

Олег Кириллович щелкнул полиглотку по носу и сказал, что возьмет наверху.

– Катюша, – жалобно застонала из кухни Яна, – да погладь же ты эти чертовы брюки, я совсем разучилась.

– Тебе просто лень. Ну хорошо, – наконец-то смиростивилась Катерина. – Но ты пока три сыр.

Яна взяла в руки кусок сыра и начала ожесточенно стачивать его теркой, поминутно останавливаясь, чтобы нырнуть в вазу с очищенными грецкими орехами.

Когда Олег Кириллович спустился вниз, на кухне он застал идиллическую картину. Катя виртуозно орудовала утюгом, а его дочь, глухо ругаясь, обдирала маникюр.

– Катерина, ты так шустро говоришь по-английски? Я не ожидал, – сказал Олег Кириллович.

– Только, пожалуйста, не ставь мне ее в пример, – предупредила Яна. – Все. Дурацкий сыр готов. А мои брюки?

– Я как раз собирался поставить Катерину тебе в пример, моя дорогая дочурка. Тебя абсолютно не волнуют иностранные языки, а также и вся остальная учеба.

– Брюки готовы! – сказала Катя, убирая утюг. – О, но ты сожрала половину орехов, Яна!

– Надо же, трагедия. Когда я достигну Каткиного возраста – Боже, какая глубокая старость! – я, вполне возможно, возьмусь за ум. А пока я развлекаюсь. Спасибо за брюки.

– Мартышка! – обозвал ее вдогонку Олег Кириллович. – Катя, подготовка к нашему мероприятию в полном разгаре?

– Угу. Ой, мясо! – Катя бросилась к сковороде.

– Давай я тебе помогу!

– Вы?!

– Это невозможно?

– Не представляю, чтобы вы возились на кухне с антрекотами, – честно призналась Катя.

– Было дело, я и блины пек.

– Блины! О! Представляю: такой стильный, в такой модерновой рубашке, и колдуете над сковородкой с тестом.

– Нет, тогда я был скромным, трудолюбивым мальчиком. Скажи, тот мужчина, который сейчас звонил, попросил мне что-то передать, прежде чем я вошел в квартиру?

– Не успел. Он только удивился, что у вас прислуга, то есть я, изъясняется на английском.

– Да, нам достался уникальный экземпляр. Тебе уже надо думать о другой работе – ты слишком хороша для того, чтобы мыть полы и гладить брюки. Может, пригласить тебя в нашу корпорацию? Моя секретарша, предательница, родила младенца и собирается вскармливать его грудью до пятилетнего возраста. Ты, случайно, не знаешь еще и немецкий? Мы активно сотрудничаем с Германией, и большинство корреспонденции идет на этом языке.

Катя затаилась. О том, чтобы стать секретаршей Олега Кирилловича, она не могла и мечтать. Она выучит немецкий за месяц, нет, за три недели. Она будет спать на магнитофоне и учить по двести слов в день!

– Моя секретарша, ну, называлась она, конечно, референтом-переводчиком, получала семьсот долларов в месяц. В десять раз больше, чем твое жалованье. Но ей тридцать четыре года, она закончила иняз с красным дипломом и свободно изъясняется на четырех языках. Временами ей приходилось до двух часов ночи присутствовать на переговорах в качестве переводчика, а потом к семи утра печатать учредительные документы. Но зато она объехала со мной полмира и в качестве подарка от фирмы получила к прошлому дню рождения иномарку. Ее решение родить ребенка подкосило меня. Второго такого помощника я, наверное, уже не найду. И буду ждать, когда ее младенцу можно будет нанять няню и вернуть мамашу на рабочее место. А ты, Катюша, учи немецкий.

«Я буду стараться! – мысленно воскликнула Катя. – И к тому времени, когда младенца можно будет доверить няньке, вы уже и не вспомните о своей старой секретарше. Семьсот долларов в месяц будут моими! И поездки за границу, и новая иномарка!».

На кухне снова появилась Яна. Лицо у нее было трагическое. В руке она держала пуговицу.

– Кэт! Пуговица отлетела. Пришей мне, я опаздываю!

– Почему ты такая несамостоятельная? – возмутился Олег Кириллович. – Сама пришей, не приставай к ребенку.

– Ну-ну, защитник. Влюбился, что ли? Катрин, давай шевелись, почему тебя обо всем надо умолять на коленях?

– Давай, – сказала Катя, забирая пуговицу. – Идем. Как же ты мне надоела со своими проблемами!

А в голове у нее звучало «влюбился?». Какое сладкое слово!

Английский учебник был отложен в сторону, и Катя с энергией и яростью набросилась на немецкий самоучитель.

Ночью ей теперь снились немецкие слова. Двести слов в день оказались непосильной задачей, но Катя торопилась освоить хотя бы минимум, прежде чем Олег Кириллович забудет о своем предложении взять ее секретаршей. Грамматика не представляла труда – она была упорядочена, рациональна и четка, как типичные черты немецкого характера.

В один из вечеров, когда, проделав ежесуточный трудовой марафон, уставшая Катя ползла к финишу, имея в активе пропылесосенные ковры, продезинфицированный унитаз, натертый кафель в трех ваннах, пожарские котлеты и яблочный мусс, появилась расстроенная и взволнованная Оксана. Она прошла на кухню, достала из холодильника банку сока, открыла ее дрожащими руками и, не успев поднести ко рту, выронила. Оранжевая жидкость разлилась по чисто вымытому мраморному линолеуму.

Катя сдержанно вздохнула.

– О, извини. – Оксана завороченным взглядом уставилась на огромную яркую кляксу. – Я вытру.

– Не беспокойся, я уберу, – возразила Катя. – Да что с тобой, что случилось?

– Помнишь, я говорила тебе, что мне так просто не сойдет с рук мое увлечение Мировским?

– Да?

– Вот это и произошло. Какой-то гнусный тип шантажирует меня. Я встретила с ним сегодня утром. У него фотографии. Снимал через окно из противоположного дома, но качество такое, что видны малейшие детали.

– Какой кошмар!

– Почему, почему именно я? Почему он не снимал какую-нибудь другую пару?

Оксана начала плакать.

– И что он требует?

– Три тысячи долларов. У меня нет такой суммы.

– А если сказать... ну, Денису Мирославскому. Ты встречалась с ним?

– Н-нет... Но как же я теперь буду у него просить денег, когда он бросил меня? О, как хочется снова его увидеть! Слушай, я, наверное, позвоню ему – ведь это и его касается? Да? И это будет хорошим предлогом встретиться.

В прихожей хлопнула дверь.

– Скажу Олегу, что весь день провела дома. Поддержи меня, если что, Катя, – быстро прошептала Оксана, вытирая осторожно слезы.

– А вот и мы, – объявил Олег Кириллович, появляясь на пороге. – Мы были в ресторане.

– Традиционная встреча двух любящих сердец, – подтвердила из-за его спины Яна, – ели осетрину, запеченную с грибами. А вы чем тут занимаетесь? Перекрашиваете линолеум в оранжевый цвет?

Ноябрьским морозным утром сотрудник управления уголовного розыска Андрей Пряжников, молодой двадцатидевятилетний человек, совершенно холостой, очень привлекательный, спортивного телосложения ван-даммовского типа, но выше киноактера на десять сантиметров, спешил к месту происшествия.

Дело было таким же неприятным, как и ледяной ветер, проникающий под кожаную куртку Андрея. В тридцати километрах от города был найден труп заместителя министра Д.С. Мирославского. Значит, расследование, как всегда в таких случаях, будет сумбурным, с ежедневными вызовами к начальству и истеричными комментариями прессы.

Непрогретая «шестерка» барахлила, дергалась, из печки шел дым, окна обледенели. Андрей уже три раза останавливал машину и выпрыгивал наружу – выполнить за «дворников» работу, с которой они не справлялись. Когда он прибыл к месту события, его скромная «шестерка» пристроилась рядом с седьмой моделью «БМВ» начальства. «Этой красоте прогретаться не надо, – с печальной завистью подумал Андрей, обходя роскошный автомобиль, – автоматика».

– И куда он поехал по гололеду один, без водителя, без охраны? – тихо сказал Андрею, позвав его жестом, полковник Скворцов. – Что, будем делать заявление для вездесущей прессы, – полковник недоброжелательно зыркнул в сторону нескольких журналистов, околачивавшихся поблизости, – или обойдутся? Смотри, Андрей, у Дениса Сергеича, как я знаю, дачный домик в той стороне? Да... Очевидно, ехал домой, гололед, машину занесло, утащило в кювет. На горе, тут оказалась пара судьбоносных деревьев. От удара Мирославский потерял сознание, а когда пришел в себя, машина уже горела. Ему удалось выбраться через разбитое стекло и отползти в сторону, но от полученных ожогов снова потерял сознание. И будь дело летом, он, скорее всего, был бы кем-нибудь подобран, но сейчас не дождался, замерз. Вася, я правильно истолковал твое медицинское заключение?

– Угу, – кивнул Вася, продолжая копошиться над обезображенным огнем и морозом телом. – Да просто все проезжали мимо не останавливаясь. Или, как назло, трасса обезлюдела.

– Да, всегда так бывает: то караван паломников, то шиш дождешься. – Полковник Скворцов осторожно отодвинул от себя служебную овчарку, которая прилипла к его ноге и пыталась нежно лизнуть руку.

Через некоторое время журналисты были вежливо отправлены восвояси, парочка официальных лиц села в теплые джипы и «мерсы» и укатила на работу, скорбя о погибшем коллеге.

– Ну, ребята, когда эти кретины наконец-то дали нам возможность насладиться обществом друг друга, прошу высказываться, – предложил полковник Скворцов. – Андрюша, что

ты обнаружил в этой грудке паленого железа? Толя, может быть, ты все-таки уберешь от меня свою собаку?

– Левый ботинок Мирославского измазан тосолом – не думаю, что он вышел из дому в нечищенной обуви. Такую кляксу он мог получить, только сидя на правом сиденье – там подтекает. Значит, машину вел кто-то другой.

– За это я тебя и люблю.

– Эдуард Семеныч! В ноутбуке Мирославского на вчерашний день было записано: «Обязательно встретиться с О. Берг». Зубков позвонил из офиса, он там сейчас. Помощник говорит, что около трех часов Мирославский взял свой «Опель», отпустил охрану и водителя и сказал, что у него личная встреча. Помощник намекнул ему, что неплохо бы в такой гололед иметь за рулем профессионального водителя, Мирославский ответил, что машину поведет не он.

– Спасибо, Андрей, выясни, кто такой О. Берг, и узнай, что он делал вчера после обеда.

– Кто такая О. Берг, – уточнил Андрей. – Это должна быть женщина.

– Ты что, уловил ее запах в этой грудке металлолома?

– Женские фамилии иностранного происхождения не склоняются. Если бы это был мужчина, то было бы записано так: «встретиться с О. Бергом».

– Гениально. Я дожил до пятидесяти лет и впервые об этом слышу. А может быть, там и было написано: «с О. Бергом»? Перезвони Зубкову, уточни.

Андрей сходил к машине. И вернулся.

– Ну что? – обернулся к нему полковник Скворцов. – Как? Ну, будем надеяться, что Мирославский более пристально следил за грамматическими явлениями русского языка, чем я. Действуй, Андрюша.

Почти десять часов потратил Андрей, чтобы выяснить, какие отношения связывали Мирославского с таинственной О. Берг. Ему стоило неимоверных усилий взломать бетонную стену законспирированности, которой огородили герои-любовники свои отношения. Но недавно Андрею прочили генеральские погоны – в делах он отличался бульдожьей хваткой. Если продолжать аналогию с собачьими качествами, следователь был добр с женщинами и детьми, как сенбернар, и предан друзьям, как словацкая овчарка. Но в процессе расследований мягкие черты его натуры отступали на задний план и проявлялись амбициозность, честолюбие, энергичность и смелость. Он был холост, занятия айкидо занимали только полтора часа в сутки, ел почти на ходу – поэтому его энергия полностью тратилась на любимую работу.

В пять часов вечера Андрей оказался перед дверью, где, по его данным, должна была скрываться Оксана Берг, любовница Дениса Мирославского.

На пороге возникло пушистое, синеглазое создание с точеным носиком на бледном, измученном лице и пухлыми губами, которые беззвучно шевелились. Это была Катя. Она взяла непомерные темпы, стремясь занять место референта-переводчика, выучила за неделю шестьсот тридцать слов, потеряла три килограмма веса и едва не погибла от нервного истощения.

Андрей представился.

– Оксана Дмитриевна сейчас придет, das Buch, des Buch, den Buch, das Buch, проходите, die Stadt, der Stadt, der Stadt, die Stadt...

Андрей вошел в квартиру. Если многие женщины становятся чьими-то любовницами из-за материальной необеспеченности, то Оксана Берг играла эту роль, очевидно, не из-за денег, подумал Андрей, разглядывая сине-изумрудный ковер, в который он провалился почти по пояс.

– Вам нужна именно Оксана, – уточнила Катя, – или я могу вам предложить и главу семейства Олега Кирилловича? Das, des, den, das...

– Давай води его сюда. Studierst du Deutsch? Учишь немецкий?

– Oh, Ja. Sie sprechen koennen! Вы говорите?

– Nicht sehr gut, aber ich habe der Sprache fünf Jahre studiert! И несколько слов могу связать...

Пятнадцать минут Андрей потратил на его превосходительство Олега Кирилловича Берга. Глава семейства производил приятное впечатление. Изучив документы следователя, он спокойно отрапортовал, где находился вчера после обеда (традиционный ужин с единственной дочерью в ресторане «Анна»). О трагической смерти Мирославского он слышал по радио. Конечно, его слегка удивило, каким образом могут быть связаны имена известного политика и Оксаны, его жены (они знакомы только визуально, встречались на великосветских раутах), кроме того, она вчера весь день провела дома. Оксана часто практикует подобное затворничество, понимаете, жизнь жены бизнесмена нелегка – отсутствие бытовых и материальных проблем поощряет самокопание со всеми вытекающими последствиями и...

– Я думаю, лучше поговорить прямо с вашей женой, – ухитрился проникнуть Андрей в плотную сеть придаточных предложений, ловко сплетенную Олегом Кирилловичем.

– Да. Извините, – улыбнулся смущенно Олег. – Что-то я разволновался. Такие гости, как вы, посещают нас не часто. Отсюда и усиленное словоотделение. Позвольте, я вас провожу. Наверное, она уже пришла.

В прихожей лязгнула дверь, и громкий, взволнованный голос крикнул:

– Катя, Катя!

Оксана, бледная, растерянная, сжимала в руке смятую газету и подпирала спиной входную дверь. На ее призывный вопль из комнат поползли домочадцы, прислуга и неизвестный молодой парень. Обнаружив, какое последствие имело ее скромное желание увидеть Катерину, Оксана осеклась. Она не предполагала, что квартира внезапно окажется столь густо населена.

Андрей взглянул на Олега Кирилловича. В газете (был виден заголовок), которую Оксана судорожно сжимала в руке, было напечатано сообщение о смерти Мирославского – похвальная оперативность! Олег Кириллович буравил глазами испуганное лицо жены и пытался поджечь взглядом мятую газету. Его теория о том, что Мирославский и Оксана были едва знакомы, рушилась на глазах. Если только женщина не заявит, что ее бурное появление на сцене и желание немедленно увидеть домработницу объясняется тем, что в газете напечатаны последние тенденции мировой моды на декабрь и это надо обсудить как можно скорее.

– Что случилось, Оксана? – строго спросил Олег Кириллович. – Зачем так шумно вламываться в квартиру и звать Катерину?

Из респектабельной, хотя и взволнованной дамы Оксана Берг молниеносно превратилась в напуганную школьницу.

– С тобой хочет поговорить сотрудник уголовного розыска.

Еще секунда, и Оксана стекла бы на пол, как капля газировки по запотевшему боку жестяной баночки, и растворилась в сине-изумрудном ковре. Но на помощь устремилась верная Катерина и стала сдирать с хозяйки норковую шубу, подпирая Оксану хрупким, измотанным борьбой с немецким языком и грязными кастрюлями телом.

«Истеричка? – подумал Андрей, направляясь в комнату, где синеглазая малышка уже приготовила для него кофе. – Все будет или предельно просто, или до невозможности трудно».

Обычно Андрей предпочитал молчать, но когда он говорил, речь его лилась вольным потоком. Оксана села напротив него в кресло, дрожа, отводя взгляд, жалкая и несчастная. Андрей начал свой трагический рассказ. Если эта женщина, любовница Мирославского, была за рулем его машины и после произошедшей аварии бросила его одного... Андрей не обвинял, он бесстрастно восстанавливал картину происшествия, опираясь на факты медэкспертизы. Мирославский не умер мгновенно, его смерть была мучительна. Очнуться в пылающем автомобиле, выползти сквозь разбитое лобовое стекло – всплески огня, хруст белых стеклянных кубиков, раскаленное железо прилипает и обдирает кожу. Потом он полз по ледяной земле,

обожженный, автомобили пролетали мимо, растворяясь в ранних сумерках, или их вовсе не было на этом ответвлении шоссе. Потом он снова потерял сознание...

Оксана уже рыдала.

– Прекратите, пожалуйста, издеваться надо мной! – крикнула она, размазывая по щекам слезы, смешанные с пудрой и тушью. – Нет, уходите сейчас же! Я не виновата в его смерти!

Она обхватила себя руками, согнулась, словно у нее заболел живот, и уткнулась в спинку кресла. Плечи вздрагивали.

– Я весь день провела дома, спросите у Кати! Спросите!

Андрей поднялся с дивана. Катя. Преданная служанка наверняка проинструктирована, как надо отвечать. Но Андрей был не прочь еще раз взглянуть на милое личико зацикленного на немецком языке ребенка.

– Да, Оксана весь день была дома, – подтвердила Катерина, отводя свой синий взгляд в сторону, – она часто так проводит дни – в одиночестве. И печали. Можно я пойду?

На случай, если частичная амнезия прекратит мучить симпатичную девочку, Андрей оставил домработнице свою визитную карточку.

Катя тщательно разгладила принесенную Оксаной газету и нашла сообщение о трагической смерти Дениса Сергеевича Мирославского. Мятая бумага искажала фотографию, лицо Мирославского будто бы страдальчески искривилось. «Нет, Оксана не могла причинить ему вреда! Она ведь так любила его. Но зачем же она заставила меня врать?».

Мысль о том, что сейчас она нагло обманула следователя, мучила ее. Ей иногда приходилось врать, в основном по несущественным поводам, и она старалась делать это как можно реже. А сегодня ее вынудили солгать капитально.

Катя забилась в угол с диктофоном и бубнила, бубнила немецкие слова. Желание поскорее выучить язык стало ее *obsession*¹. Она придумала новый трюк: записать на диктофон слова с переводом, включить круговую перемотку и безостановочно гонять одну и ту же кассету в течение дня. Тогда немецкие выражения гранитным монолитом лягут в ее память, неподвластные времени, защищенные от забвения. Скорее бы стало ясно, что Оксана ни в чем не виновата.

Но бедная Ксюша испила в этот вечер свою чашу еще не до дна. Едва следователь оставил пределы квартиры, Олег завладел рукой Оксаны и волоком потащил жену в комнату, оставив на ковре двухметровую траншею. Катя была выкинута из зала, как приبلудный котенок, и, забравшись на второй этаж, она с убитым выражением лица прислушивалась к звукам. Давно супруги Берг не демонстрировали такого накала страстей в своих супружеских отношениях.

На следующее утро Оксана не встала, чтобы проводить мужа на работу. Хмурый и невеселый Олег Кириллович сердито гремел на кухне предметами обихода и спрашивал в пространство, какой идиот замуровал сахарницу в холодильнике. Испуганной криветкой прошмыгнула Катерина и приготовила ему кофе, поджарила тост. Олег Кириллович разделался с завтраком за двенадцать секунд, не взглянул на Катю и покинул родные пенаты. Он не знал, что через пару часов ему придется срочно вернуться.

Заспанная Яна выползла из своей комнаты в девять утра, что было для нее проявлением немыслимого героизма. В субботу и воскресенье, а также в дни, когда она отлынивала от школы, Яна могла прогревать свою девичью постель до часу дня.

Катерина уже была вся в трудах и заботах. Ей пришла мысль угостить Оксану чем-нибудь необычным, чтобы поднять ей настроение. Как будто вкусная пища могла восстановить ее душевное равновесие! В холодильнике притаился солидный кусок замороженной осетрины, была найдена банка грибов.

¹ Навязчивая мысль (англ.).

– Пламенный привет труженикам полей. Уже пашешь? – Полуголая Яна приползла на кухню.

– Приготовлю сегодня на обед осетрину, запеченную с грибами. Как в ресторане, – ответила Катя. Она старалась не смотреть на Яну – та накинула мужскую рубашку, толстые ноги были видны до кружевных плавок, и голая грудь беззастенчиво светилась между второй и третьей незастегнутыми пуговицами. Конечно, Яна была у себя дома, но сама Катя ни за что бы не появилась перед чужим человеком в таком виде.

– О, тогда я с нетерпением буду ждать обеда. Давно хочу попробовать что-то экстравагантное. Сложно?

– Не думаю, ведь в предыстории уже есть десять лет кухонной практики. Обжарить куски осетрины, грибы, лук, уложить все вместе с картофелем на сковородку и полить соусом из сметаны. Посыпать тертым сыром, а сверху еще растопленным маслом. И в духовку. Думаю, получится не хуже, чем в вашем любимом ресторане! Тебе понравилось, как там это было приготовлено?

– Кто?

– Ну, рыба.

– Какая?

– Яна, ты еще не проснулась, наверное? Совсем не соображаешь. Я спрашиваю о том, что ты ела в ресторане вместе с Олегом Кирилловичем. Позавчера.

– Да? – удивилась Яна. Она с ногами забралась на угловой диван и теперь стала воровать из открытой консервной банки грибы, которые должны были составить веселую компанию осетрине.

– Ты сама сказала.

– Туман. Ничего не помню. Очевидно, была пьяна.

– Да не была ты пьяна. Не лезь в банку грязной вилкой!

Яна оставила грибы, прыгнула с дивана, нырнула в холодильник, появилась с добычей: она держала коробку шоколадных конфет. Налив себе чаю и с треском разорвав прозрачную обертку, она стала методично отправлять в рот конфеты. Они были самые разнообразные – в золотой обертке, обсыпанные орехами, с ликером, с розовой помадкой, с марципановым зубчиком, с миндальной крошкой, с мармеладом... На каждую конфету уходило в среднем двадцать секунд.

Катя с завистью посмотрела на Яну, беспечно пожирающую шоколад, но пресекла желание схватить самую большую овальную конфету с рифленой спинкой и затолкать ее в рот. А потом другую – квадратную башенку с вишней, а потом вон ту, с вафельными шариками и фундуком! «Отставить! – скомандовала она себе. – Это ни к чему. Секундное удовольствие, потом три килограмма жира на бедрах. Нет, Катя, нет». И мужественно вернулась к банальной осетрине.

– Катюша, – заныла на семнадцатой конфете Яна, – у тебя нет ста долларов в долг до... ну, на месяц?

– Не смейся, откуда у меня доллары?

– Здрасьте! – встrepенулась Яна и стала загибать пальцы на руке. – Работаешь ты не на заводе, и папулька тебе регулярно платит зарплату. Так? Так. На еду тебе тратиться не надо. Так? Одежду ты не покупаешь, тебе все достается даром. Так? Куда же ты деваешь денежки? Зашиваешь в ковровое покрытие? Займи, не будь жадиной.

– Если ты закончила заполнение моей налоговой декларации, могу с радостью сообщить тебе, что отсылаю деньги родителям.

– О боже! Какая же ты правильная! Какая вся положительная. – Яна слизнула двадцать третью конфету.

– Почему ты не попросишь у Олега Кирилловича?

– Я уже трясла папульку на этой неделе. Я, конечно, натура безнравственная, но и мне иногда свойственны проблески совестливости. О! Пойду подлизусь к Оксанке. Эта разварившаяся тефтеля, в отличие от тебя, более снисходительна к людским порокам, она может посочувствовать бедной, несчастной девочке.

– А зачем тебе сто долларов?

– Долг чести. Проспорила Светке на... Впрочем, если я открою предмет нашего спора, у тебя от смущения покраснеет пупок. Ты ведь такая невинная. Хотя я считаю, моя щепетильная Кэт, что в столь почтенном возрасте давно пора стать более образованной в некоторых вопросах.

Катя молча чистила картошку. Оставшись на кухне одна, она сполоснула руки, закрыла конфетную коробку и решительным движением сунула ее в холодильник. Но в последнюю секунду притормозила, подняла крышку, наугад двумя пальцами вытянула шоколадно-вафельный шарик и затолкала его в рот.

Андрей время от времени посещал рестораны в компании друзей. Но сейчас он зашел в ресторан «Анна» по делу. Сдержанно-дорогое заведение (элегантная обстановка, меню – двадцать пять страниц плотного текста, беззастенчивые цены и тихая, фатальная влюбленность персонала в посетителей) удовлетворяло вкусы небедных клиентов, которые заходили сюда пообедать в тишине за изысканно сервированными столами.

Андрей пробыл здесь десять минут. Официантка, увидев его удостоверение, тут же рванулась к апартаментам директора, и через секунду молодой, интересный следователь наслаждался компанией шикарной сорокалетней дамы – владелицы «Анны».

Анна Витальевна обрушила на Андрея пятитонную глыбу своего концентрированного очарования, ее взгляд обволакивал, как расплавленная сталь, а голос обещал наслаждение. «Но в принципе старая, тертая жизнью баба», – мысленно подбодрил себя Андрей, чувствуя, что теряет контроль над ситуацией.

– Олег Кириллович – наш постоянный клиент, – ответила Анна Витальевна, модулируя самый сложный хроматический пассаж, от которого спинной мозг Андрея задергался и стал посылать на периферию панические сигналы. – Да-да, он был у нас совсем недавно... Когда же?.. – Владелица ресторана вонзила в следователя отточенный карий взгляд. Андрей поздравил себя с тем, что его темперамент тщательно стреножен тугими американскими джинсами, иначе мадам убедилась бы в действенности своих женских чар. – Да, позавчера. Олег Кириллович посетил нас с дочерью. Я часто выхожу в зал поприветствовать постоянных клиентов, среди которых теперь надеюсь видеть и вас, Андрюша. – Анна Витальевна сбросила последнюю атомную бомбу: она приблизилась к Андрею на пятую долю микрона, оттопырила нижнюю губу, залакированную кровавой диоровской помадой, и провела по ней языком...

Андрей вышел на улицу и с благодарностью вобрал в легкие литр морозного воздуха. «Будто изнасиловали», – подумал он. Вытерев со лба испарину, Андрей направился к своей «шестерке».

– Катя! – вопила Яна, скатываясь с лестницы. Глаза у нее были как у живого карасика на разделочном столе. Она задыхалась от ужаса. – Оксанка! Оксана...

Катя с грохотом захлопнула крышку духовки и рванула вверх. У дверей Оксаниной спальни она остановилась, перевела дыхание и со страхом шагнула на порог.

С расстояния пяти метров казалось, что Оксана мирно спит, уткнувшись носом в подушку. Но уже с расстояния в один метр становилось совершенно ясно, что она мертва. На тумбочке стоял на две трети опустошенный бокал воды и валялись пупырчатые, с содранной фольгой упаковки от таблеток.

Яна заглядывала в комнату и, не решаясь войти, находилась в состоянии, предшествующем истерическому реву. Нос у нее уже покраснел, а рот искривился.

Катя взяла Оксану за руку и попыталась нащупать пульс.

– Как ты можешь ее трогать, она же мертвая! – ужаснулась Яна. И тут слезы прорвали оборону и вольными потоками устремились вниз по ее толстым щекам.

– Быстро позвони отцу на работу, пусть он приедет. Нет, сначала я позвоню в «скорую», может быть, еще можно что-то сделать.

Кроме «скорой», Катя набрала и номер телефона с визитной карточки, которую ей оставил Андрей.

Приехавший через двадцать минут Олег Кириллович принял на грудь мокрую, цвета свекольного отвара дочь. Яна заливалась слезами, удивляя Катю, не подозревавшую в ней подобной чувствительности. Сама Катерина ощущала в груди странную пустоту, а слезы словно остановились на полпути к глазам и заморозились. Она не могла плакать, но ее не оставляло чувство, что каждая минута прибавляет к ее возрасту год жизни, – она ощущала, что взрослеет и отвердевает в этом неожиданном несчастье. За месяцы, проведенные в доме Бергов, одинокая, неприкаянная Оксана стала ей действительно дорога.

Олег Кириллович прижимал к себе вздрагивающую Яну и прятал лицо в ее волосах. Он тоже переживал один из худших моментов своей жизни.

Тело Оксаны увезли, врачи на месте констатировали смерть.

Появился Андрей. Не снимая длинного черного пальто с плечами как у регбиста, он поднялся наверх, насобирал, должно быть, улик, потом прошел в зал уселся на диван и вопросительно оглядел трагически-молчаливую группу, которая встретила его неприязненными взглядами. «Кретин, – подумал Андрей, – надо быть сдержаннее. Наверное, я вчера перегнул палку, живописуя мучения Мирославского. Красотка не выдержала мук совести и заглотила упаковку снотворного, которой при экономном расходовании хватило бы на год».

– Вы довели мою жену до нервного срыва, – глухо сказал Олег Кириллович. – Вы, видимо, не пожалели красок, описывая смерть Мирославского, она почувствовала себя виновной в этом. Я считаю, что вы вели себя неэтично, и буду апеллировать к вашему начальству. Вы ответите мне за смерть жены.

«Резво, – мысленно приподнял в удивлении правую бровь Андрей, – однако».

– Так она призналась вам, что встречалась с Мирославским?

– Катя, отведи, пожалуйста, Яну наверх.

Олег Кириллович наконец-то отлепил от себя ярко-красную мокрицу, которая когда-то была Яной.

Она все еще судорожно всхлипывала. За шестнадцать лет Яна приобрела значительный и разнообразный жизненный опыт, специализируясь в категории «удовольствия», а с настоящей трагедией столкнулась впервые. Она прожила пять лет рядом с Оксаной, хотя и не питая к ней нежных чувств, и смерть мачехи подействовала на нее как электрошок.

– Оксана призналась мне, что несколько раз встретилась с Мирославским, он упорно добивался ее расположения. Не понимаю, как человек с таким моральным обликом может входить в правительственную элиту.

– Не смешите, – перебил Андрей, – вы не наивный мальчик, чтобы удивляться существующему положению вещей. Если депутатам Госдумы позволительно драться и таскать друг друга за волосы, не смущаясь телекамер, то почему заместителю министра не обратить внимание на очень красивую, я бы сказал, удивительно красивую женщину?

Олег Кириллович сник. Выглядел он сейчас старым и несчастным, лоск и холеность вмиг улетучились, остались осунувшееся лицо, черные круги под глазами.

– Как бы то ни было, но неделю назад их связь закончилась, так и не начавшись. Оксана отказала ему.

– Так она все-таки сказала вам, что была в машине Мирославского?

Олег Кириллович промолчал. Он уже заметно нервничал. Андрей поднялся с дивана.

– Прекрасно. Значит, мы будем беседовать с вами в другой обстановке.

Олег недовольно передернулся. Наглый тип, мерзкий ищейка.

За дверью комнаты послышался звон, легкие торопливые шаги прошуршали по лестнице, и через минуту в комнату осторожно заглянула Катя.

– Олег Кириллович, – тихо сказала она, участливо поглядывая на психующего хозяина дома, – вам пакет принесли с уведомлением, я расписалась в получении. Вот.

Олег Кириллович невидящим взглядом посмотрел на Катерину. Что ей надо?

– Вот пакет принесли, что-то срочное.

Олег взял пакет и кивнул Кате, чтобы шла. Возникшую паузу он снова использовал для нападения на следователя:

– После вашего ухода на Оксану больно было смотреть. Знайте, что ее смерть останется на вашей совести...

Олег Кириллович стал нервно вскрывать увесистый, плотный конверт. Толстая бумага не поддавалась. Внезапно струя разноцветных фотографий вырвалась из его рук, и красочные снимки веером рассыпались по ковру. Андрей с интересом наблюдал за Олегом. Взгляд, мельком брошенный на фотографии, заставил его присвистнуть, нагнуться и поднять одну из них. На снимке, очевидно сделанном сквозь окно, веселая, красивая и абсолютно счастливая Оксана протягивала руку через стол, на котором стояли открытая бутылка шампанского и разрезанный торт в виде розового сердца, и ее кисть пряталась в огромной лапе Мирославского. В другой руке она держала фужер и чокалась им со своим визави. Мирославский плотоядно улыбался.

Андрей перевел взгляд с фотографии на Олега. Сейчас он мог сравниться с египетским сфинксом. Лицо его окаменело и приобрело оттенок осенней свинцовой тучи, глаза сузились и сверкнули злобой и гневом.

«Пора линять, – подумал Андрей. – Бегом, пока разъяренный и обманутый муж не начнет крушить мебель своими ветвистыми рогами».

Катю мучили сомнения. Она прекрасно помнила, что произошло в день гибели Мирославского. Оксана сказала, что утром встречалась с шантажистом. Но почему же она пришла только вечером, пролила сок на пол? Неужели в тот день она нашла способ связаться с Мирославским и встретила с ним? Получается, Катя обманула следователя, дала ложные показания. О боже... Теперь и ее могут посадить в тюрьму?

Андрей спускался вниз по лестнице, когда услышал, что его догоняют.

Крошке-домработнице явно жилось неплохо. Она была в норковой шубе и в дорогих сапогах. Сколько же ей лет? Четырнадцать – пятнадцать?

– Андрей, мне надо поговорить с вами! Они вместе вышли на улицу.

– Я наврала, когда вы меня расспрашивали, – призналась Катя.

– Спасибо, что призналась.

Андрей отметил про себя, как одежда меняет женщину. В домашнем наряде – длинная разноцветная футболка и лосины – она выглядела прехорошеньким младенцем. А сейчас представляла собой юную аристократку, породистую и изысканную. Аристократичная домработница, усмехнулся сыщик.

– В тот день Оксана пришла поздно вечером, и она была ужасно расстроена и взволнована. И попросила меня, в случае чего, сказать Олегу Кирилловичу, что она весь день провела дома. Что мне теперь делать?

– Да уж не знаю, милая, что теперь с тобой будет, – ласково улыбнулся Андрей. – Тюрьмы не избежать. Давай-ка сядем в машину и нарежем пару кругов по микрорайону, а то ты пропустишь свою чудесную голову и из нее улетучатся все немецкие слова.

Катя кивнула. Она подошла к машине и подождала, пока Андрей откроет для нее дверцу. «Почему она домработница? Такая внешность...»

– Сколько тебе лет? – спросил Андрей, мучаясь с зажиганием. «Шестерка» успела продрогнуть и не желала заводиться, очевидно мечтая, чтобы хозяин согрел ее собственным телом.

– Восемнадцать.

– Я думал, четырнадцать.

– Старение, так же как и накопление знаний, происходит не постепенно, а скачкообразно, – серьезно ответила Катюша. – Можно месяц зубрить иностранный язык и не чувствовать прогресса, а потом в три дня вознестись на новую высоту. И с возрастом, наверное, то же самое. Некоторые женщины до тридцати лет производят впечатление девочек, а потом внезапно превращаются в дам бальзаковского возраста.

«Ясно тебе, Андрюха? – подумал сыщик, не ожидавший столь подробного ответа на свой вопрос. – Вот тебе и маленькая девочка».

Автомобиль тронулся с места.

– Расскажи мне про Оксану.

Катя сидела, уткнувшись носом в пушистый воротник, и внимательно разглядывала свои руки. Потом она вздохнула:

– Кажется, я ее любила. Она была очень добрая, хотя какая-то бесполезная.

– Бесполезная? – удивился Андрей.

– Ну да. Как же объяснить? Она целыми днями ничего не делала – слонялась из комнаты в комнату, читала какие-то глупые детективы, листала журналы. Ее целью было дожидаться прихода Олега Кирилловича. А так как он приходил очень уставший и обращал на нее мало внимания, то получалось, что цель не оправдывала средства – нельзя убивать время, истреблять жизнь день за днем. Может, я несправедлива? Ведь я сужу со своей позиции. Я привыкла ни минуты не тратить впустую. Я не смогла бы пролежать три часа на диване, мне было бы ужасно жаль своей жизни.

– Конечно, если проводить день в трудах, чужая праздность раздражает.

– Нет, Оксана раздражала меня, только когда начинала путаться под ногами. Я очень хорошо к ней относилась. Но она меня удивляла. Она имела возможность путешествовать по всему миру, изучать любые науки, могла заниматься любым видом спорта, ну что еще? А ее абсолютно ничего не интересовало. Наверное, есть женщины, которые рождаются только для любви. Она просто сидела дома, вялая и инертная, и ждала мужа. Но такую никчемность могло оправдать лишь сильное чувство, тотальная влюбленность, когда она бы и дышать не могла в отсутствие Олега Кирилловича. Но если она обратила внимание на того, другого мужчину, то, значит, и любовь была не особенно сильной?

– Она посвящала тебя в свои тайны?

– Думаю, она рассказывала мне процентов шестьдесят.

– А ты, значит, считала ее внутренне никчемной?

– Это не влияло на мое отношение к Оксане.

– Бесполезность – не очень уж большой грех для такой красивой женщины.

– Не знаю. Я думаю, на шестом году совместной жизни одной красотой не удержишь возле себя мужчину. Ведь и Мирославский тоже оставил Оксану. Ну, в общем, я совсем плохо разбираюсь в жизни. Я думала, что если женщина живет на содержании у мужчины, только если она не воспитывает его детей, то надо быть исключительно интересной и сильной личностью, чтобы удержать и сохранить его любовь. Надо, по крайней мере, иметь другие цели в жизни, кроме ожидания его возвращения с работы.

– Женщину любят... это уж как получится. Если любовь исчезла, даже уникальная личность, помесь Элизабет Тэйлор, Чиччолины и Софьи Ковалевской, не сможет удержать муж-

чину. А какую-нибудь безмозглую кочерыжку, от которой пользы как от карликового пуделя, будут любить всю жизнь просто так, не за достоинства или красоту...

– Значит, я ничего не понимаю в жизни. Я догадывалась. Только вы не подумайте, что я в чем-то осуждаю Оксану. Тем более сейчас, когда она... Я никогда не решилась бы на такое... как она... Я так люблю жизнь.

Последнюю фразу Катя произносила уже шепотом, так как слезы наконец-то добрались до конечной цели, из льдинок, замерзших в груди, превратились в горячие соленые потоки, устремившиеся на воротник шубы.

– Вот, хотела рассказать вам, какая Оксана была хорошая, а получилось наоборот. Она была несчастной женщиной.

Катя начала шмыгать носом, тереть глаза, сопеть, хлюпать – и все это под одобрительным взглядом Андрея Пряжникова. Как любой мужчина, он не очень выносил женские слезы, но эта малышка даже в слезах, с красным носом и мокрыми щеками была удивительно мила и приятна детективу.

Полковник Скворцов проводил время в дружеской беседе с генералом. Шеф Анатолий Федорович находился не в особенно благожелательном расположении духа, и поэтому ненормативная лексика, горячим поклонником которой он являлся, обычно рассеянная по его странностям высказываниям в виде многочисленных островков, теперь приобретала очертания материка и стремилась поглотить остатки человеческой речи.

Для полковника Скворцова всегда являлось причиной глубоких раздумий, как удастся начальнику удерживаться в границах дозволенного во время выступлений по телевизору. Пару раз он не сдержался, и на следующий день все газеты зашлись в неистовом веселье, публикуя на первых страницах над фотографией Анатолия Федоровича крупный лозунг, где фигурировали три жирные точки – название места, куда генерал послал российских демократов. Имиджмейкер босса, не в силах бороться с наклонностями подопечного, пытался использовать врожденную страсть Анатолия Федоровича материть всех и вся в качестве признака его особой близости к народу. Хотя и «народ» шеф материл так же изобретательно и искусно, как и все прочее.

– Ну, Эдя, уработала, значит... – Генерал с трудом преодолел четыре приличных слова в начале фразы, а дальше его раскатистая речь привычно забурлила, закипела, вспенилась – перевести на нормальный язык все это колоритное, словесное безобразие можно было следующим образом: значит, уничтожила ужасным способом невыносимая женщина нашего тоже не очень хорошего Дениса Сергеевича? Сколько раз я предупреждал его не менять так часто женщин. Пропал мужчина в расцвете сил. Посмотреть на эту ужасную женщину, что ли?

– Отравилась она, я же говорил, Анатолий Федорович, – почтительно добавил полковник Скворцов свое объяснение к густому сиропу из сочных выражений. В целом, надо было отдать Анатолию Федоровичу должное, его экспрессивная лексика была неординарна, он не просто употреблял стандартные подзаборные фразы, он душевно и вдумчиво работал с языком.

– Отравилась? (Ей повезло, что она отравилась. Официальная версия – гололед? Хорошо. Незачем волновать людишек описаниями сексуальной жизни лидеров.)

– Да, списали все на гололед. Не справился с управлением. В этот день по городу были сплошные аварии.

Зазвонил телефон. Генерал поднял трубку, и его лицо разгладилось, а голос с басового регистра моментально уехал вверх, к сладкому нежному тенору. Полковник Скворцов едва не рассмеялся – грозный начальник ворковал. Он говорил с дочерью.

– Что, моя лапочка? Да, конечно, как и договорились. Снова? Да я разнесу твою, то есть я хотел сказать, что с твоей школой, да, да, колледжем, я разберусь. Не волнуйся, зайчонок. Угу. Угу. Целую. Кладу трубочку, пока! – Анатолий Федорович оторвался от телефона и вернулся к прежним интонациям: – Кожаный плащ у дочки (украли). Мы, Эдик, ловим (бандитов), а нас

самих (обворовывают). Колледж называется. Ну ладно, иди трудись. Новые факты всплывут – сразу ко мне. Кто у тебя в этом деле?

– Андрей Пряжников, очень способный парень.

– Такой высокий красавчик?

– Да, симпатичный.

– Небось тоже (активно интересуется женским полом)? Ладно. Гуд лак, как говорит моя дочь. Если появятся новые факты... (Скользкое) дело, скользкое.

Катя была удивлена, увидев на похоронах Оксаны Берг такое количество заплаканных лиц. Почему же при жизни про нее никто не вспоминал? Почему она была так одинока, если на кладбище приехало столько молодых женщин, выразивших искреннее огорчение безвременной смертью подруги? Слезы были не притворными и приносили женщинам настоящее удовлетворение: живая Оксана внушала зависть своей красотой и богатством. Потребовалось умереть, чтобы вернуть расположение подруг. Мертвым не завидуют.

Яна эти дни рыдала не переставая и добилась желаемого результата: ее нос увеличился вдвое, а глаза приобрели экстравагантные фантомасовские очертания. Олег Кириллович стоял в пальто нараспашку, небритый и без галстука. Земля была усыпана цветами, и люди вдавливали в грязь нежные тонкие лепестки. «Как Оксана, – подумала Катерина, вытирая слезы, глотая морозный воздух и наблюдая за бутоном розы, сминаемой в третий раз чьим-то каблуком, – сама вдавила себя в грязь и сама не выдержала».

Остались холмик, устланный цветами и хвойными ветками, и черная, в грязном снежном месиве земля вокруг. Сдержанно-оживленная толпа потянулась через могилы с крестами, оградками и постаментами, укрытыми белоснежным покрывалом, к автобусам и иномаркам, припаркованным в конце аллеи. Катя окликнула Андрея, который, пробираясь к выходу, приглушенно разговаривал со своим знакомым.

– Андрей, вы не могли бы меня подбросить? – Катя хотела отправиться к Татьяне Васильевне.

– Конечно, идем.

Катя пристроилась в арьергарде, пока не увидела Олега Кирилловича, который озирался, явно кого-то высматривая. Он похудел за эти дни, и если и раньше не радовал глаз излишней пухлостью, то сейчас совсем напоминал жертву Бухенвальда. Увидев Катю, он двинулся к ней.

– Ты куда?

– Я поеду к тете. Меня подвезут.

Олег Кириллович метнул на Андрея, все еще беседовавшего с другом, злой взгляд.

– Катя, а потом ты вернешься?

Катя смутилась. Она хотела остаться у Татьяны Васильевны и вообще не возвращаться в дом Бергов.

– Ты же не оставишь нас сейчас? – Олег Кириллович с надеждой заглянул в глаза и положил руку на плечо Катерины. – Пожалуйста, не уходи. Янка в затаженной истерике, что мне с ней делать?

– Хорошо, – согласилась Катя. – Я тогда съезжу, а потом вернусь на автобусе.

Олег Кириллович сунул руку в карман, вытащил несколько сложенных пополам купюр и вложил их в Катину ладонь.

– Возьми такси, ладно?

Катя потерянно кивнула и направилась к машине Андрея.

– Ты представляешь, когда я уже собрал шикарное досье и поставил заключительную точку, человек, чью политическую карьеру я должен был разрушить своим материалом, попадает в автокатастрофу! – говорил Максим Колотов, друг Андрея со студенческой поры, откры-

вая банку пива. Он сидел на переднем сиденье «шестерки» и собирался подзаправиться – его любовь к пиву расцветала буйным цветом в летнюю жару, но и в остальные, более прохладные времена года не ослабевала. Андрей в зеркало поглядывал на Катю, которая молча вытирала слезы.

– Угроздило же Мирославского так не вовремя отдать концы! Представь, познакомился в Краснотрубинске с занимательным немцем. Макс Шнайдер. Приехал разнюхивать насчет краснотрубинского промышленного комплекса, который выставили на инвестиционный конкурс. Для иностранцев это сладкая ягодка. Уникальный хромовый рудник. При разумном использовании можно за год нажить миллионы долларов.

Катя перестала наконец-то плакать и прислушалась: говорили про ее родной Краснотрубинск.

– Шнайдер – тертый калач, он уже не одну сделку проворачивал в России. Он быстро выяснил, кто у нас заправляет приватизационными процессами, состыковался с кем-то из наших шустрых русских бизнесменов и через него вышел на Мирославского. Мирославский получил от «Юмата хром корпорейшн», которую представлял Шнайдер, скромные подарочки – недвижимость в Испании и круглую сумму, переведенную на его счет в иностранный банк. Шнайдер пришел на конкурс радостный, как первоклассница, но получил по носу: несмотря на то, что его «Юмата» предложила на сорок миллионов больше соперника, предприятия все же достались некой «Тимманз индастриэл компани», Америка. Что за ерунда? Наводим справки – ох, нелегкое это занятие, Андрюша, сам знаешь. Но я прорываю в земле ирригационный канал глубиной в четыре метра и обнаруживаю, что владельцем «Тимманз индастриэл компани», зарегистрированной в оффшорной зоне в Панаме, является Эндрю Тимманз. Вот так вот. – Максим победно уставился на Андрея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.